

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Библиотечка газеты «Общинный вестник»

ИМЕНА И СУДЬБЫ

ПЕТРОЗАВОДСК 2003

УДК 929
ББК 92
И 51

Петрозаводская еврейская община
выражает благодарность

ФЕЛИКСУ БУХМАНУ (Израиль)

за помощь в издании этой брошюры.

קהילת יהודית בפטרוזבודסק מודה

לפליקס בוכמן (ישראל)

על העזרה ביציאת
לאור את החוברת הזאת

И 51 **Имена и судьбы**/ Еврейская религиозная община; Составитель Юлия Генделева;
Петрозаводск: Принт, 2003. (Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.6)

УДК 929
ББК 92

ISBN 5-900726-12-6

Скромный труженик печатного дела

26 июля 1905 г. олонецкий губернатор направил министру внутренних дел России представление, в котором просил наградить фактора Олонецкой губернской типографии мещанина Илью Соломоновича Левина званием личного почетного гражданина. Именно министру внутренних дел предоставлялось право по ходатайству губернских властей награждать таким образом граждан России за особые заслуги. Правда, несколько необычной в этом случае была должность Левина - уж очень она скромная и мало заметная. Но что было совсем необычно, так это личность претендента. Илья Соломонов Левин, как сказано в представлении, - "вероисповедания иудейского". В истории нашего города это первый и единственный случай (включая и советское и постсоветское время).

Чем же заслужил скромный типографский работник Илья Левин такой почет?

Приехал он в наш город из Санкт-Петербурга в 1882 г. совсем молодым человеком - был ему 21 год. В Петербурге он жил с родителями. Семья была небогатой и после окончания школы родители отдали его в одну из столичных типографий обучаться наборному мастерству. После трехлетнего обучения в той же типографии четыре года проработал наборщиком. Однако его не удовлетворяли полученные в школе знания. Все свободное время он использовал для самообразования, проводя многие часы в императорской Публичной библиотеке.

В Петрозаводске Левин был принят на работу в губернскую типографию. И с первых же дней зарекомендовал себя как высокий профессионал и исключительно преданный своему делу работник. Однако не безоблачным было начало его жизни в нашем городе. По документам Илья Левин числился мещанином Виленской губернии Трокского уезда местечка Жосли. А еврей из Жосли, по тогдашним российским законам, в Петрозаводске жить не имел права, если у него не было ремесленного свидетельства. Такого свидетельства Левин не имел. В заключении казенной палаты по его делу было сказано, что "он как наборщик не является ремесленником".

Попытался Илья Левин причислиться к мещанскому обществу Петрозаводска, но из этого ничего не вышло. Несмотря на то, что общее собрание мещан Петрозаводска, состоявшееся в июне 1883 г., заявило о согласии принять Левина в здешнее мещанское общество, губернские власти не утвердили это решение и постановили выселить его вместе с женой из города.

Пришлось Илье Левину ехать в Виленскую губернию, добыть там свидетельство на право заниматься шапочным мастерством, и уже с этим свидетельством на руках он получил право жить в Петрозаводске. Так он и жил здесь, отдавая всего себя работе в типографии, и еще, скорее всего, только для вида, содержал небольшую шапочную мастерскую.

А в типографии дела его шли весьма успешно. Губернская типография в Петрозаводске была довольно скромным заведением. Здесь печатались местная газета, разного рода официальные документы, сообщения правительства и местного начальства, небольшие частные заказы, изредка книги. Заказы исполнялись медленно. Без конца шли нарекания на качество выполненных работ. С появлением Левина многое начало меняться. Все лучшие и самые ответственные заказы передавались именно ему, и всегда они исполнялись в срок и на высоком уровне. Как тогда отмечали, "он, можно сказать, вложил всю душу в дело губернской типографии, с редкой любовью и самоотверженностью трудился на пользу ее, радовался ее успехам и печаловался постигавшим ее неудачам... Если нужно было что к сроку исполнить, он готов был сутки

напролет работать, лишь только сдать во время дело и не вызвать нареканий по адресу излюбленного дела".

Усердие наборщика было замечено и оценено начальством. По прошествии некоторого времени его назначили сначала метранпажем, а затем фактором губернской типографии. В его обязанность входило распределение работы, он должен был "давать указания и советы", оценивать труд работающих в типографии, готовить счета за выполненные работы, следить за качеством шрифтов, типографских материалов. Все знавшие Левина отмечали, что в типографии он всеми был уважаем, а подчиненные ему рабочие "питали к нему полное доверие и любовь".

6 декабря 1902 г. Илья Соломонович Левин был награжден серебряной медалью с надписью "За усердие" на Станиславской ленте. А 11 мая 1905 г. на торжестве по случаю 100-летия губернской типографии ее заведующий старший советник губернского правления И. Благовещенский в своей речи назвал только две фамилии людей, работавших в типографии за все время ее существования: первого в Петрозаводске "типографщика" Алексея Пирогова, прибывшего сюда в 1805 г. и по существу открывшего здесь типографию, и Ильи Левина. Столь велик был его авторитет. В представлении к награждению Левина званием почетного гражданина губернатор отмечал: "Имея энергичный и внимательный надзор за ведением печатного дела, он своими личными трудами, усердием и знанием дела много способствовал к поднятию и усовершенствованию губернской типографии".

Илья Соломонович Левин был не только высокий профессионал-полиграфист, но и незаурядный журналист. Его корреспонденции печатались в газетах "Биржевые ведомости", "Наборщик" и в других изданиях. Он стал постоянным автором и местной газеты "Олонецкие губернские ведомости". Именно Илья Левин был первым, кто познакомил петрозаводскую читающую публику с жизнью местной еврейской общины и вообще впервые на страницах местной официальной газеты заговорил о петрозаводских евреях. В газете стали систематически печататься статьи и корреспонденции под названиями "Из жизни олонецких евреев", "Из жизни евреев", "Из жизни местных евреев" и др. В них автор рассказывал, как и чем живет еврейская община Петрозаводска. Он впервые в печати заявил о том, что в городе не ведутся метрические книги о евреях и как это обстоятельство негативно сказывается на их судьбах. Многие его статьи посвящены борьбе евреев за официальное признание существования здесь еврейской общины, за право иметь свой молитвенный дом и отправлять богослужения. В его корреспонденциях сообщалось о собраниях прихожан еврейской общины и об обсуждавшихся там вопросах, в том числе об устройстве школы для еврейских детей и о строительстве молитвенного дома, давалась информация о сборе денег на сооружение молитвенного дома, о ходе строительства синагоги и т.д.

Но не только вопросы еврейской жизни интересовали Илью Соломоновича. От его внимания не ускользали важнейшие исторические и общественные события. Его перу, например, принадлежит обстоятельная рецензия на брошюру "Столетие Олонецкой губернской типографии", вышедшую к юбилею типографии. В двух номерах "Губернских ведомостей" был помещен написанный им отчет о праздничных торжествах, посвященных столетнему юбилею типографии. На страницах газеты печаталось множество его статей и заметок.

Свои статьи и корреспонденции Илья Соломонович Левин обычно подписывал "И. Левин", чаще "Н. Л-н", иногда "L", а одну из статей он подписал "Иври - Онейхи" ("Я - еврей").

А почетным гражданином ему не суждено было стать. Пока шла переписка между губернатором и Министерством внутренних дел, Илья Соломонович скончался от обычной в те времена профессиональной болезни наборщиков - чахотки. Произошло это 15 ноября 1905 г. Было ему тогда не более 45 лет. Похоронили Левина 16 ноября за рекой Неглинкой на еврейском кладбище.

Вышедшая на следующий после похорон день газета поместила большой некролог, в котором, назвав Илью Левина "скромным тружеником печатного дела", писала: "Кто из петрозаводчан, имея дело с губернской типографией, не знал и не ценил этого труженика, готового словом и делом быть полезным". В этой же газете помещено следующее сообщение: "16 ноября предано земле тело фактора Олонецкой губернской типографии Ильи Соломоновича Левина. В 11 часов дня собрались на квартире умершего отдать последний свой долг почившему служащие в губернской типографии, заведующий типографией старший советник губернского правления И.И. Благовещенский, редактор "Губернских ведомостей" и много чиновников губернского правления. После совершения обряда по своей религии над покойным вынесли его единоверцы из дому и положили на носилки, а сослуживцы его по типографии несли до кладбища в сопровождении многочисленной толпы. У кладбища единоверцы умершего внесли на свое кладбище и опустили тело в могилу. Причем типографщики пропели "Вечную память". Вечная память тебе, труженик".

После смерти Левина осталась жена его с девятью детьми, из которых шестеро школьного возраста, а старший сын, как и отец, болен чахоткой, "без всяких средств к существованию". "Из типографских сумм" было выдано вдове 50 рублей на погребение. Просил олонецкий губернатор министра внутренних дел оказать семье "какое-либо от казны денежное пособие в воздаяние заслуг фактора Левина". Но министр денег не нашел. Как сложилась судьба членов семьи Левина, мы, к сожалению не знаем.

Почти 23 года прожил Илья Соломонович Левин в нашем городе. Своей жизнью и служением делу он оставил добрый след, и не только в истории еврейской общины.

Жизнь и судьба Семена Бекенштейна

ВЕЛИЧАЙШАЯ БОЛЬ - ТАКАЯ,
О КОТОРОЙ СКАЗАТЬ НЕВОЗМОЖНО.
Пословица

Каждая человеческая жизнь уникальна. И все же есть люди, на долю которых выпало стать олицетворением народа, эпохи, своего времени, мужества, профессии и т.п. Люди-символы. Нечасто случается встретиться с таким человеком. А может быть, мы просто в сутолоке дней своих часто не замечаем их? Нам кажется, что они где-то далеко? Семена Ионовича Бекенштейна я встретил, когда он приводил в порядок только что выделенное помещение для общества "Шалом". Он произвел впечатление энергичного, очень аккуратного, с чувством юмора человека. Когда он ушел, мне сказали: "А ты знаешь, что этот человек был в Освенциме?"

Освенцим!.. Это слово, как пощечина, как плевок всему человечеству, человечности, каждому живущему. Это так не вязалось с жизнерадостным обликом Семена Ионовича, что я от растерянности задаю совершенно идиотский вопрос: "На экскурсии?" "Да, три года с 43 по 45 длилась эта "экскурсия"! И не только эта!" И вот, мы сидим в уютном, уже другом помещении "Шалом", которое тоже обустроивал Семен Ионович, и он рассказывает, рассказывает... Говорит очень просто, обыденно, но сколько всего стоит за этим! Да разве можно пересказать жизнь? Лишь малая толика этого рассказа сегодня перед Вами.

Родители мои родились в Белостоке: отец в 1895, мать в 1897 году, там и жили. Отец - кожевник, его отец был сапожником, три брата - сапожники. Шили модельную обувь. У брата отца была мастерская на центральной улице города - ул. Сенкевича, и они там работали. Отец работал на кожевенной фабрике, зарабатывал 5-8 злотых в день, можно было хорошо жить. Был мастером, но и сам работал.

Я родился в 1922 году, закончил 4 класса начальной еврейской школы - хедера, на идиш. Учили Гемару, Талмуд, Хумаш. Потом 6 классов другой школы, тоже еврейской. Содержал ее Гельман, директор школы (что-то за меня платили, но немного). В польскую народную школу евреев не брали и в государственные польские гимназии тоже. Иногда, правда, если отец очень богатый, в них можно было попасть, но это очень редко. Я поступил в еврейскую гимназию, но потом родители перевели меня в еврейское ремесленное училище. Преподаватели были высшего уровня. Математику и физику преподавали два брата: у них были изданы свои учебники. (Впоследствии, в 59 году я закончил двухгодичные курсы ленинградского института повышения квалификации по специальности техник-механик на отлично: 23 предмета - 23 пятерки. Все это заложено было в еврейском ремесленном училище.) Занимался боксом, был в Маккаби, что совсем нелишне - антисемитизм процветал, был хуже, чем в России, и частенько приходилось постоять за себя, да и за других тоже. Тренером был Кушнер, который несколько лет держал второе или третье место в Польше в своей весовой категории. Проучился я год, и началась война.

В Белосток вошли немцы. Бесчинствовали. Пробыли неделю и ушли. Через две недели вошли русские, их тогдашние братья по оружию. И стали советские порядки: кто побогаче - в Казахстан, час на сборы и поехали. Национализировали все предприятия. У дяди была велосипедная мастерская, ее отобрали, отдали хлебокомбинату, но дядю оставили работать в нем главным механиком. Он взял моего младшего брата к себе учеником, и он стал токарем по металлу. Приехало много русских гражданских. Кино, театр - бесплатно, агитация. Говорили, что освободили часть России. Поляки ненавидели

русских. Но русские не издевались над евреями. Меня направили учиться в железнодорожный техникум. Преподаватели были русские военные. Я попал в группу помощников машиниста паровоза. Затем перешел в механико - энергетический политехникум и проучился там год. В субботу 21 июня 41 года сдал последний экзамен по физике, а назавтра фашисты напали на СССР. Боев в городе не было, бомбили только железнодорожную станцию. Через неделю, в пятницу вошли немцы. Сразу же сожгли 29 улиц в еврейском квартале и большую синагогу вместе с находившимися там более тысячи евреев. К этому времени в Белостоке жили 50 тысяч евреев, а в области 350. В первой половине июля немцы уничтожили более 6 тысяч. Еврейский район обнесли забором, установили двое ворот, поставили охрану, согнали туда всех евреев и образовали гетто. Все в возрасте от 15 до 65 лет обязаны были работать на немецких предприятиях, получая 500 г хлеба в день (позже -350 г). Все еврейское имущество было конфисковано. Внутри гетто было образовано самоуправление. Мы жили недалеко от ворот, метрах в 200, вчетвером, а когда всех согнали, стали жить 12 человек. Выпускали и впускали из ворот только по пропускам. Я работал вместе с отцом на фабрике кочегаром. На груди и на спине - желтая звезда. Ходить по тротуару не разрешалось - шли по проезжей части рядом с тротуаром. В магазины входить запрещалось. В феврале была проведена первая "акция": 1 тысяча евреев были убиты и 10 тысяч отправлены в Трешлинку. Утром 2 февраля 43 года (полтора года уже жили в гетто) всех стали выгонять из домов на улицу. Я попытался спрятаться в подполье какого-то еврейского дома, но меня нашли, вытащили наружу и погнали к колонне на ул. Фабричную, где уже были отец, брат и дядя. Мама и другие родственники находились где-то в этой же колонне, но мы так и не увиделись. Подошла подвода, с нее стали бросать буханки круглого хлеба. Я говорю отцу: "Папа, залезай на подводу, помоги хлеб кидать, а там и уезжай с подводой". Папа сказал: "Прощай", и пошел. Он уехал с подводой и больше отца я не видел. (Позже в Освенциме я узнал, что он погиб во время восстания в гетто в своем родном городе). Всех поставили "пятерками", чтобы легче было считать, и погнали на железнодорожную станцию. Загнали в вагоны, и мы провели там ночь, а утром тронулись, не зная куда. Не кормили, ели только то, что было у каждого. Когда прибыли на место, нас разделили: женщины с детьми, старики, инвалиды - налево, и сразу же подъезжает машина со сходнями сзади на всю ширину кузова, чтобы по ним подниматься, и увозят. Куда увозят, мы уже предполагали... Молодые, до двадцати - отдельно. Всех опять строят "пятерками". Младший братишка мой (27 г.р.) стоит крайний справа, я второй. Немец пальчиком распределяет, кому куда. Подошла наша очередь. Я держу брата за руку. Говорю: "Я токарь, мой брат - тоже". "Возьми его с собой". Мы бегом к кучке молодых. Я говорю брату: "Пейсах, пока мы живы. Надолго ли, не знаю, но крепись". И здесь же встретили дядю Янкеля, младшего брата отца. Нас погнали бегом, пятерками в карантинный лагерь в Биркенау (Бжезинка польски), где мы пробыли шесть недель. Лагерь назывался "цыганским", потому, что как-то загнали туда цыган и через несколько дней всех уничтожили, а название осталось. Я спросил у одного чеха: "Вы давно здесь?" "Три месяца, но вы вряд ли столько проживете". Оптимизма это не прибавило. Сразу по прибытии в лагерь нас погнали в баню. 123 мужчины и отдельно 97 женщин - всех оставшихся в живых. Первая мысль: "В крематорий". Но нет, это была баня. Там тоже издевались: давали или холодную воду, или кипяток. Выдали одежду с двумя треугольниками в виде могондавида на груди и на брюках справа: треугольник вниз углом - красный, вверх - желтый с номером. Мой номер 100611, который выкололи на предплечье левой руки здесь же в бане. На второй день утром всех опять погнали пятерками. Остановили перед горой трупов, метра три высотой, не похожих на людей. Пошел снег большими хлопьями, и мы стали слизывать его друг у друга с плеч. Простояли часа два, потом команда: "Правое плечо вперед!", и обратно в барак. Эту картину я не забуду до конца дней своих. После этого я хотел повеситься. У меня был ремень, уже присмотрел подходящее место.

Но ночью подумал: "А на кого я брата оставляю?" В бараке, метров 30 длиной, мы втроем с братом и дядей без матраца и одеяла на одной кровати, а они были трехъярусными, значит на каждой по 9 человек. Во время карантина постоянно проводили "селекцию": выстраивали всех в один ряд, идут пара эсэсовцев и врач, который щупал сонную артерию, проверял между пальцами рук, нет ли чесотки. Заставляли выжаться от земли: если не смог - таких больше не видели. Одна из таких проверок оказалась последней для моего дяди Янкеля – не успели даже попрощаться. Позже я встретил в лагере одного русского военнопленного (он был печником, поэтому и выжил), который рассказал, что их было 40 тысяч, а осталось человек 10. На карантине над нами издевались - заставляли носить песок: гора песка, кладут в шапку или в подол рубахи лопату или две песка и надо отнести километра за полтора-два и высыпать. Рядом тоже гора песка. Берем из нее и так же несем обратно. И так целый день. Другой раз так же кирпичи таскали. Или выгоняют из барака, строят, заставляют валяться в грязи. Били. Евреи многие не выдерживали, быстро "доходили", погибали. Через шесть недель опять усиленная проверка здоровья, кто годится - на работу, а кого в расход. Брат высококонький, худенький, его оставили там, а меня перевели в Освенцим, в центральный лагерь (там было много лагерей). От брата никаких известий нет, но через полтора года я узнал, что всех, кто остался в "цыганском" лагере, отправили на лесоразработки в горы и там перестреляли, как бы при "попытке к бегству", так там было объявлено. От возчика, работавшего в лагере, я узнал, что жену дяди Моисея, красавицу, оставили в женском лагере для медицинских опытов. Дальнейшую ее судьбу я не знаю.

В Освенциме я попал в 22 блок на 2 этаж, две недели ходили голышом, как новоприбывшие, потом перевели в блок 14-а. Выстригли нам на голове машинкой полосу, ее называли "Лаузенштрассе" (улица для вшей). И именно с этого момента началась моя жизнь в Освенциме. Меня отправили работать на кожевенный завод за три километра. Попал на общие работы. Капо (начальник сотни) был немец Отто, с "зеленым треугольником", бандюга. Он меня однажды со всего маха сзади ударил лопатой по голове. Я закачался, но не упал, а то бы меня добились. Стал "доходить". Потерял счет времени. Меня спас капо Ливач — немецкий поляк. Работал я на разборке кирпичей после американской бомбежки. Нас выстроили, и капо Ливач говорит, что надо сделать замок, и показывает какой. Из всех только я взялся за это. Он меня отвел в мастерскую. Оказалось, что надо было сделать замок для задней дверцы кареты, чтоб она захлопывалась и открывалась ручкой без ключа. Карета была шикарная. Я осмотрелся. Там был немец с "красным треугольником", значит - политический. Взял я у него инструмент и сделал замок и даже врезал его, хотя меня не просили об этом. Замок я должен был сделать к вечеру, а я его даже вставил, и еще осталось время. Беру веник и начинаю убирать вокруг. Нам нельзя было не работать - за это наказывали. Входит капо Ливач: «Кто тебе велел этим заниматься? Я ему говорю, что все сделал. Он идет к верстаку: "А где замок?" "Я его врезал". Он подошел к карете, и давай дверцей хлопать. Остался очень довольным. (А он был кузнецом- художником, золотые руки). "Приходи, - говорит, -завтра на работу прямо сюда. Я скажу капо Отто, что ты теперь будешь работать у меня". Это спасло мне жизнь. И я начал работать в кузнице и проработал до 18 января 45 года.

Со мной работали еще человек 15, не только евреев. Запомнил одного еврея из Франции - он в горне жарил лягушек. Один поляк (он был здоровее меня) два раза пытался меня задушить: "Ты Иисуса Христа распял)" Потом стал "лучшим" другом: он видел, что мои руки к чему-то годятся. Мы с ним вдвоем токарный станок восстановили, строгальный станок. Был еще Давид, потомственный кузнец. Мог отковать птичку - каждое перышко видно! Я даже не предполагал, что такое возможно. Он попал в лагерь вместе со мной.(Потом я его встретил в Румынии он предлагал ехать с ним в Израиль. Когда узнал, что я собираюсь в СССР, чтобы попытаться найти своих, сказал: "Куда ты едешь? Там такие же антисемиты, как в Польше)" В лагере хуже всех относились к евреям и русским. Русские были с "черным треугольником" - это означало "вредитель".

Им доставалось больше, скажем, чем полякам, а евреям - больше, чем русским: табель о рангах. Ко мне все относились, в общем, не плохо. Кормили нас так: литр супа, 300 граммов хлеба. Иногда в конце недели хозяин давал за работу кому 1, кому 2, кому 3 марки, на которые можно было купить в магазине лагеря миску супа, сигареты, зубную щетку, зубной порошок, туалетную бумагу. Я работал и в выходной - был один немец кузнец, мы с ним ковали подковы. Делали по 30 подков на двоих, научился подковывать лошадей, чинил брички. Была столярная, обувная мастерская, кожевенная фабрика. Была швейная мастерская, где ремонтировали эсэсовскую одежду и одежду заключенных. Была 'Канада - там работали женщины, они проверяли привозимую одежду - пороли ее, искал и спрятанные драгоценности: золото, бриллианты, в обуви тоже искали. Была прачечная. Привозили стиральные машины, я их собирал, проверял, пускал в работу. Привозили горы волос из крематория. Я не знаю, что из них делали. Волосы как будто живые - в них находили брошки, расчески, гребенки, шпильки. В одном отделении делали щетки, может, из волос? Там работали женщины. Лагерь, где мы жили, не бомбили, бомбили там, где работали. Во время бомбежек нас загоняли под зеленую сетку. Однажды меня сильно ударили ребром доски по плечу и что-то перебили, и я с тех пор плохо слышу на одно ухо. После того, как советские войска начали наступление на Краков, меня эвакуировали в Маутхаузен. Добирались пять суток пешком и трое суток в вагонах. Выдали по буханке хлеба, 200 граммов маргарина, кружок колбасы и мазнули на хлеб повидлом. Шли "пятерками", по бокам охранники с оружием и собаками. Сзади время от времени слышались выстрелы: это пристреливали отставших, упавших, не могущих идти дальше. Потом загрузили на платформы с бортами, но без крыши. Стояли так тесно, что можно было поджать ноги и так висеть. К концу путешествия осталось в живых меньше половины

В Маутхаузене после карантина направили в лагерь Гузен -2. Там я проходил под № 118549. На работу возили по УЖД, охрана шла рядом - в основном это были украинцы. Работали на авиационном заводе "Мессершмитт". Завод был спрятан в Альпах в штольнях, и американцы не могли его бомбить. Условия ужасные: ежедневно с работы уносили по 12-15 мертвецов. Занимался проверкой деталей, присылаемых с других заводов. Бригада была нас интернациональная: еврей инженер из Франции; Владимир Игумнов - морской летчик из Ленинграда; летчик румын Борис; два инженера автомобилиста с Украины. Командовал нами вольнонаемный австриец, который к нам не плохо относился. 1 мая заболел, как потом оказалось, тифом, но на работу ходил, иначе прикончили бы. 5 мая 45 года утром не будят, на работу не гонят. Высунулись в окошко - на вышках охрана перебита: пролетел американский маленький самолет и перестрелял их. Заключенные стали ловить оставшихся охранников и расправляться с ними. Появились винтовки, автоматы. Лагерь заняли американцы. А мне становилось все хуже, и я попросил, чтобы меня доставили в американский лазарет. Несколько дней был без сознания. Когда пришел в себя, все очень обрадовались. Американцы кормили очень хорошо. Всего много, вкусно, питательно, красиво. К тому времени, как я немного поправился, оказалось, что русских уже отправили, (куда - это уже другая история), и я решил с товарищем из моего города поехать в Польшу, а оттуда уже в Россию. Доехали до Моравска Остравы в Чехословакии. Объявили, что поезд стоит сутки. В городе встретили советского подполковника. Я сказал ему, что мы граждане СССР, хотим на родину. Он объяснил, куда надо обратиться. Направили нас в лагерь советских граждан, поселили в общую комнату.

Через некоторое время меня вызвали на допрос. У меня была бумага от американцев - освобождение из лагеря на английском, немецком и польском языках. Следователь посмотрел ее, и в стол, и больше мне не отдал. Я рассказал все, как было, а он кладет пистолет на стол: "Скажи лучше, как Родине изменял! Раз остался жив, значит изменял... Ну, ладно, я буду писать протокол, а ты посиди", - и запер меня в находящуюся тут же каморку-карцер с железной дверью. Сколько я там пробыл, не помню. Потом

выпустил меня и дает подписать, что он там написал. Я прочитал и разорвал бумагу. По этой бумаге меня могли расстрелять! Он переписал бумагу, уже как я рассказал, и я подписал.

Недели через две приехал капитан вербовать в рабочий батальон. Нас возили на работу в Польшу, Германию, Венгрию, Румынию, Австрию- косили, собирали урожай и т.п. Денег не было, только кормили. И всех постоянно гоняли на допросы, а меня - нет. 1 января 46 года нас посадили в поезд, и месяц мы ехали, опять не зная куда. Приехали в Карелию, в Сегежу, там разделились, и человек 30-40 пошли пешком по Выгозеру 40 км до острова рыбаков. Ночевали. Дальше - до Петровского Яма в леспромхоз Верхневьгский. Там нас распределили по лесопунктам. Я попал в Тайгенцы, а дальше в Конжезеро. Работал в "инструменталке" пилоправом, точил пилы, топоры, делал лучковые пилы, топорщица. Денег не платили, только кормили. Жили впятером. Перед тем, как выдать документы, опять были допросы, запугивания. Только летом уехали военные, а мы остались. Потом перевели в Тайгенцы затем в Петровский Ям, где осваивали первые электропилы. Стал работать электромехаником на электростанции.

Там на обрубке сучьев работали военнопленные немцы. Был там один пилоправ немец, из лагеря поблизости, толковый мужик, считавшийся "главным антифашистом", и я иногда приглашал его к себе обедать.

В 48 году познакомился на танцах с девушкой Надеждой. Она окончила техникум в Тотьме и работала приемщиком. Праздновали сразу две свадьбы 11 июля (10 родился, 11 женился, 12, наверное, помру). На следующий год 1 мая родилась дочь. Вторая дочь родилась в октябре 51, сын -1 мая 65 года. Сейчас один внук в 3 классе, два внука уже отслужили армию.

В 51 году прошел в Архангельске курсы на главных механиков леспромхозов, но после окончания главным не назначили - "дело врачей". (Но это - между прочим).

В 1957 году приняли в партию в Медгоре. Меня представлял первый секретарь райкома Мартынов Петр Иванович. Он сказал: "Вы знаете, что это за человек? Он Гитлера победил!" Вот такие дела...

Семен Ионович замолчал. Помолчим и мы, ибо кто и что в присутствии Семена Ионовича Бекеништейна может сказать?

Записал Дмитрий Цвибель

Юзеф Кон: путь музыканта

Юзеф Гейманович Кон (1920-1996) принадлежит к старшему поколению еврейско-польских музыкантов, чья жизнь и деятельность, начиная с 1940 г. прочно связаны с Россией: здесь прожита бóльшая часть (56 из 76 лет) жизни; здесь пришла слава ученого, педагога, музыканта; здесь изданы главные труды; здесь живут ученики, друзья, родственники. Впрочем, польских ли – вопрос непростой. В Польше Ю. Кон является «своим чужим», одним из многих, вынужденных покинуть в начале 40-х гг. страну музыкантов, которые впитали польскую культуру, выросли из нее, но под давлением жизненных обстоятельств не стали ее частью. Но право представлять Польшу у Кона есть: существенная часть его научных работ посвящена польской тематике; в течение двух десятилетий сначала в Кракове в родительском доме, а потом в местечке Долина в предместье Львова в дедовском провел он свои счастливые детские и ранние юношеские годы; в 1938-1939 гг. учился на музыковедческом отделении Института музыкологии Варшавского университета (позднее во Львове – на фортепианном отделении Музыкального училища и Консерватории, диплом, которых так и не получил); в Польше остались дорогие его сердцу друзья-гимназисты Конрад Наленский, Адольф Шостакович и Анджей Кломинек, дружбу с которыми пронес через всю жизнь (сноска 1); наконец, в Польше похоронены его родители. В сентябре 1939 г., когда фашистская армия вторглась на территорию Польши, он бежал из Кракова на восток и оказался во Львове, который со временем стал советским. . . .

Жизненный путь Ю.Кона, оборвавшийся 12 ноября 1996 г., за четыре месяца до 77-летия, делится на три неравные части: короткую, безоблачную, польскую – первую; еще более непродолжительную, но насыщенную бурными событиями, военную – вторую; долгую, относительно спокойную, российскую – третью. И насколько вторая непредсказуема, драматична, нестабильна, настолько первая и третья спокойны и размеренны в своем установившемся течении.

Отцовская линия

Материнская линия

Семья Кон
Краков, Польша

Семья Гутентаг
Вена, Австрия

Дочь Лёня Сын Гейман

Дочь Регина Сын Сигизмунд Дочь Анка

Юзеф-Альберт Кон
17.03.1920 – 12.11.1996

Из еврейско-польских музыкантов, осевших тогда в России, Юзеф Кон, пожалуй, один из самых известных. У него большой международный авторитет, он – кавалер ордена Трудового Красного Знамени, действительный член Академии гуманитарных наук России, заслуженный деятель искусств Карелии, доктор искусствоведения, профессор, автор значительного числа работ, опубликованных едва ли не на всех европейских языках. Существенная часть из них издана в Карелии (*К вопросу о ладовом строении карельских народных песен*, 1980; *Этический программный симфонизм Сибелиуса и «Калевала»*, 1986; *Об одной проблеме современного музыкознания и книге Э.Тарасты «Миф и музыка»*, 1990; *Композиторская техника как знак [«Сквозь зеркало» Метаморфоз для 12 струнных и*

клавесина И.Кокконена], 1994 и др.). Хотя делать на этом основании вывод о благополучии его судьбы было бы опрометчивым. Здесь он ничем не отличается от других. И быть может, впечатление успешности возникает оттого, что он никогда не жаловался и никого в трудностях не обвинял, по меньшей мере, публично. И вряд ли из опасения прослыть неблагодарным.

Кон приехал в Россию молодым, но уже сложившимся исследователем, и хотя основные свои труды создал в именно здесь, они зачастую развивали и реализовывали идеи и принципы, наметившиеся и сформировавшиеся ранее в Польше, правда не без австрийских (венских) влияний. О них хотелось бы сказать подробнее, потому что «венское» определило его мышление, научный стиль и во многом – судьбу ученого.

Его отец и мать – выпускники медицинского факультета Венского университета. Австрии они принадлежали не только как уроженцы и жители (из Вены ведет родословную материнская линия; польский Краков, где Юзеф Кон родился в 1920 г., всего за два года до этого входил в состав Галиции, которой правила известная австрийская династия Габсбургов), но и как страстные поклонники и патриоты ее столицы. Свою любовь и восхищение Веной родители передали сыну, власть этого города над собой он ощущал долгие годы. Трудно назвать другую европейскую столицу, в которой всеобщая любовь к музыке и вообще искусству были бы столь беззаветными. Именно отсюда исходили важнейшие для мирового музыкального процесса импульсы. Но на Ю.Кона огромное воздействие оказала не та Вена, что легко ассоциируется в нашем сознании с беззаботным, веселым, прелестным, а та, что скрывается за этим светлым и привлекательным фасадом – Вена с ее болезненными, состояниями человеческой души, порожденными ощущениями страха, отчаяния, трагизма. Возможно здесь следует искать истоки увлечения Коном мистикой Каббалы.

Родители оказали большое влияние на формирование художественного вкуса сына. Мать, страстная поклонница Ф.Кафки, приобщила Юзефа к современной австрийской литературе (Й.Рот, С.Цвейг) и философии (Л.Витгенштейн). С нею в четыре руки он играл переложения симфоний венцев Г.Малера и А.Брукнера. Позже его вниманием овладели композиторы новой венской школы – А.Шенберг, А.Берг, А.Веберн (*А.Шенберг и «критика языка», Л., 1990; Скрябин и Берг: совпадение или влияние?. Нижн. Новг., 1995 и др.*). От двоюродного брата со стороны матери, выдающегося математика, пришло увлечение точными науками, математической логикой (*О проблеме логики в музыке, 1994 и др.*). От отца Ю.Кон унаследовал способности и любовь к языкам, которые тот выучил во время Первой мировой войны в офицерском концлагере, оказывая медицинскую помощь иностранным пациентам. Примечательно, что среди языков, которые знал Гейман Кон, были русский, узбекский, так впоследствии пригодившиеся его сыну. Но, как гласит еврейская поговорка «родители могут дать детям все, кроме счастья», его Юзеф Кон нашел в далеком Ташкенте, где встретил Ольгу Бочкареву, ставшую женой, другом, единомышленником. В 1948 г. после окончания Ташкентской консерватории Ю.Кон работает одновременно в названном вузе и научно-исследовательском институте им. Хамзы. С 1963 г. его жизнь связана с Новосибирской, а с 1970 – с Петрозаводской консерваториями, где он возглавляет кафедры теории музыки и композиции. Карелия покорила Кона красотой вечерних закатов, дремлющими зелеными сопками, незамутненным спокойствием озера, которые он любил наблюдать из окна девятого этажа своего уютного кабинета. Петрозаводск стал для Кона конечным пунктом в его непростом жизненном пути. Здесь он нашел свое последнее пристанище, тихо уйдя холодной ноябрьской ночью высокосного 96-го.

Говоря о Конe, постоянно ловишь себя на мысли о том, что в характере этого человека мирно уживались две противоположные интеллектуально-творческие натуры. С одной стороны рациональный ученый-структуралист, эрудит, остротой мысли ускорявший время, с другой – иррациональный лирик, фантазер, обаятельнейший мечтатель, силой воображения изумлявший окружающих. И еще раз. С одной стороны –

педантичный педагог, строгий руководитель, серьезный критик, с другой – деликатный, доброжелательный слушатель, остроумный рассказчик и собеседник, душа любой компании. По-видимому, в отношении Кона тесный контакт этих двух противоположных натур был наиболее плодотворен.

Людей, близко знавших Юзефа Геймановича, поражали его бездонная память, тонкий еврейский юмор, умение артистично и к месту рассказать анекдот. Их он знал очень много и все они отличались, если можно так сказать, особой «коновской» элегантностью. Вот один из его обширной коллекции:

– Скажите, ребе, что будет, если я нарушу одну из десяти заповедей?

– Что будет? Останутся еще девять.

Воистину, «если мир смеется, то есть над чем и над кем» (еврейская мудрость).

Другой домашней страстью была кулинария, секреты которой Кон постигал еще в Долинском детстве под бабушкиным руководством, о чем вспоминал все время с нескрываемым удовольствием. Кушанья, которые украшали его хлебосольный дом на Октябрьском проспекте, собиравшем по воскресеньям гостей, включали часто еврейские блюда: росл флейш (мясное жаркое), айнгемахц (редька в меду), хальцель (куриная шея, начиненная потрохами), лэках (пироги) и, конечно же, его любимый шницель по-венски, в приготовлении которого ему не было равных. Его голубоглазый восьмилетний внук Егор, как две капли воды похожий на своего деда, уже сейчас, учась во втором классе Санкт-Петербургской французской гимназии, проявляет наклонности, которые наверняка бы обрадовали деда – к языкам, книгам, музыке и . . . кулинарии. Дай бог, чтобы жизненная дорога Егора была освещена путеводной звездой его деда. «Да возвысится и осветится великое Имя Его». (Кадиш).

Сноска (1). Конрад Наленский – впоследствии знаменитый кинорежиссер, прославившийся фильмами о художнике Зигмунде Валишевском, но более всего известен российскому зрителю по телесериалу “Четыре танкиста и собака”; Адольф Шостак – видный дипломат, советник Польского посольства в Англии; Анджей Клуминек – талантливый художник и новеллист, работавший в варшавском журнале “Перспективы”.

Мой отец Наум Цаль

Мой отец, Цаль Наум Давидович, был одним из тех, кто со своими единомышленниками, умными, талантливыми, преданными медицинской профессии людьми поднимал службу здравоохранения в Карелии, в Петрозаводске из провинциальной и слабой в 30-х годах до современной, ни в чем не уступающей в лечебной и научной базе столичным городам. Он прожил недолгую, но очень насыщенную жизнь.

Цаль Наум Давидович родился в 1914 году в Даугавпилсе, в Латвии. Семья его (отец, дед) традиционно занимались малярным делом. В поисках работы кочевали по маленьким городкам Латвии. Один из братьев моего деда (звали деда Давид Нахимович) уехал в Россию, в г. Остров, где нашел работу, и вызвал семью моего отца в г. Остров. Обратного в Латвию дед мой вернуться уже не мог, т.к. по Брестскому миру граница для них была закрыта. Семья жила бедно. О маме своей (ее звали Рахиль Вениаминовна) папа вспоминал с теплотой и жалостью к ней. Она была тихой, безропотной, рожала много детей, но в живых осталось трое, (папа старший), много работала по дому, с мужем, а папа, будучи мальчиком, искал возможность ей помочь. Он ребенком всегда где-то подрабатывал: убирал конский помет с улиц Острова, работал у аптекаря. Его сестра вспоминает, что его все любили и учителя, и дети, все, с кем он общался. Отец учился отлично, а письменным столом его был деревянный ящик, принесенный из магазина. В возрасте 14 лет он тяжело заболел: 1928 год, на железнодорожную станцию в Остров привезли кино, он бежал, торопился, хотел пить, ледяная вода из колодца, затем ангина, осложнение, с которым он боролся до конца жизни. Эта болезнь сблизила его с доктором, который говорил родителям, что, если мальчик выздоровеет, ему надо учиться. В начале 30-х годов семья приезжает в Ленинград, где их отец сумел устроиться маляром и рабочим по ремонту на Октябрьскую железную дорогу, а мать вскоре умерла от туберкулеза. В Ленинграде папа поступил в медицинское училище, закончил его с отличием и сразу в 1932 г. был принят во Второй ленинградский мединститут. Все эти годы он работал, в основном, фельдшером в больнице им. К. Маркса. Нужно было помогать семье, где тоже учились брат и сестра. Неоднократно учеба прерывалась из-за ухудшения состояния здоровья, были больницы, санатории, но он боролся. Будучи студентом мединститута, папа подрабатывал в Ленинградской филармонии, вот тогда он прикоснулся к высокому искусству, в дальнейшей жизни его всегда влекли музыка, театр, живопись. Я вспоминаю, что в нашем доме бывали люди из этого прекрасного мира искусства, он лечил многих из них, помогал молодым музыкантам осваиваться в нашем городе.

В 1937 г. папа получает диплом с отличием, его оставляли в аспирантуре, но он распределился в Карелию. Выбор этот был неслучайным, т.к. он женился на своей сокурснице, Павле Алексеевне (тогда Завьяловой). Она была откомандирована Карелией на учебу во Второй медицинский институт г. Ленинграда, и вернулась вместе с мужем. Моя мама была старше, она была отцу опорой во всем, решительная, умная, требовательная, но именно она и нужна была моему папе по жизни. У нас была хорошая семья, где все любили друг друга, семья для нашего папы – это что-то святое.

С 1937 года он участковый врач. На свои первые вызовы в Петрозаводске он перемещался на лошади, где вместо телеги была карета с красными крестами по бокам, работал в больнице, которая располагалась на Военной улице, набирался опыта у старого опытного врача Луговского, преподавал в медицинском техникуме и учился заочно в аспирантуре Первого медицинского института, готовил диссертацию.

В 1941 году, в возрасте 27 лет, он становится заведующим Петрозаводским Горздравотделом, руководит эвакуацией лечебных учреждений города, медицинского

персонала с семьями. Санитарная машина, где был отец со своими коллегами, покидала город последней, когда в город уже вступали финские отряды. До 1944 года трудился в г. Беломорске, оставаясь на прежней должности, с ним рядом были коллеги, которые стали гордостью Карельской медицины, с ними он был связан великой дружбой и преданностью. А в Ленинграде остались его отец и сестра. Папа использовал любую возможность что-нибудь послать в блокадный город. Не всё до них доходило, но они выжили (а помог им в самые голодные месяцы столярный и малярный клей, которые у деда оставались от довоенной работы, они варили этот клей и ели).

В июне 1944 г. в Петрозаводск прибыла первая группа врачей: Абрам Андреевич Гуткин, Лидия Тимофеевна Шунгская, Ольга Васильевна Белкина, Василий Александрович Баранов и мой отец, чтобы начать восстановление медицинского хозяйства. В 1944 году не было ни одного годного для приема больных медицинского учреждения, не пострадал только родильный дом.

До 1948 г. отец – на должности зав. Горздравотделом, в 1948 г. – главный врач больницы г. Петрозаводска и работал, как терапевт, очень хороший клиницист, особенно, если учесть, что первая ЭКГ в Петрозаводске была снята в 1948 г.

Папа много работает, контактирует с 1-м Ленинградским медицинским институтом, выпускает книгу «Гипертоническая болезнь». Город пополняется новыми молодыми силами, в основном, из Ленинграда, появляется научная база, папа рядом с ними.

В 1958 г. отца назначили на должность зам. министра здравоохранения республики, но он в очередной раз попал в тяжелом состоянии на больничную койку. Совпало это с поездкой на о. Валаам, куда он поехал с коллегами, чтобы разобраться с проблемами дома престарелых, который в тот период помещался на острове, тогда они попали в шторм, была осень. Из-за болезни папа покинул этот пост и вновь работает терапевтом, но желание заниматься наукой, учить молодых перетянуло его в открывшийся в 1963 г. медицинский факультет университета.

Он очень любил свое дело, любил молодых, общался с молодыми учеными, радовался успехам медиков в городе. Он много работал дома, часто прерывал сон или какой-то досуг и по телефонному звонку с просьбой о помощи, брал свой чемоданчик и уходил, ни слова досады, не сетования на нездоровье.

Папа был мягкий, ранимый человек. Я вспоминаю 50-е годы, когда раздувалось «дело врачей». Коснулось это и моего отца, но травля быстро угасла, т.к. не нашла поддержки ни у правительства Карелии, ни у населения города.

Папа прожил всего 57 лет, он очень любил жизнь, жил с тревогой за близких, с готовностью помочь и родным, и всем, кто к нему обращался.

Рувим Пергамент и музыкальная культура Карелии

Еврейская диаспора в отечественной культуре, даже еще конкретнее – в Карелии... Вопрос далеко не простой, требующий долгих размышлений... Не претендуя в настоящих кратких заметках даже на отдаленную глобальность, все же перекинемся некоторыми соображениями по этому поводу в связи с кратким рассказом об одном замечательном человеке Рувиме Пергаменте, карельском музыканте, композиторе...

Рувим Самуилович Пергамент родился 30 августа 1906 года. Его родители жили в трехкомнатном деревянном доме традиционной постройки дореволюционного Петрозаводска на живописном берегу Онежского озера (ныне – улица Пушкинская; дом сгорел в войну, как и все вокруг). Отец Рувима – театральные парикмахер, мать – домовитая и гостеприимная хозяйка, радостно поддерживавшая славу хлебосольного семейства, мастерица всяких гастрономических блюд – еврейских, русских, карельских, грузинских... Отменный кулинар!

С ранних лет мальчик проявил завидное трудолюбие, увлеченность окружающим миром, желание учиться. Но главной его страстью стала музыка. Первым музыкальным инструментом, поразившим его детское воображение (к счастью для родителей, для окружающих, спонтанно напомиающим о таинственных генетических «зовах») была скрипка. Уже к шести годам Рувим поразил завидными успехами, недюжинными способностями. С полной естественностью мальчик воспроизводил случайно услышанные мотивы – и простые и сложные. Главное, ему хотелось ощутить отклик и у взрослых, чтобы вместе с ним нашли радость от звучания этого обожаемого им инструмента!

И родители, старшие Пергаменты, и сам юный скрипач мечтали о профессиональном образовании, о серьезной и неспешной работе, долгих занятиях...

И в 1914 году удалось направить вундеркинда в Санкт-Петербург. Там ему довелось пробыть три года. После перерыва, лишь в 1920 году он возобновит учёбу в Петроградской консерватории. Здесь, в огромном городе, Рувим – а он еще отрок! – захвачен и поглощен разнообразными музыкально-художественными событиями. Он постигает специальные музыкальные дисциплины, погружается в изучение партитур классиков, пытается постичь природу симфонического оркестра и дирижерского искусства, посещая – упорно, целенаправленно – театры, общаясь с другими музыкантами, приглядываясь к их труду, профессиональным заботам и потребностям, размышлениям, оценкам. Мальчик постигал жизнь во всей ее сложности... И результатом явилось его новое увлечение – сочинительство музыки, сначала – для себя, втайне.

Через некоторое время – всецело, безоглядно, с абсолютным пониманием, что иначе жить не может, он будет композитором, Рувим бросает занятия на скрипке и берет консультации по композиции у крупнейшего и опытного петербургского педагога профессора Р.И. Мервольфа. И достигает новых успехов!

Обосновавшись с 1926 года в Петрозаводске, Пергамент с головой окунается в разнообразнейшую творческую и общественную работу: подбирает музыку к немым кинофильмам и оформляет драматические постановки театральных антреприз – «Юного зрителя», эстрадного коллектива «Живая газета», рабочей молодежи «Трам» и прочих, беседует с молодыми начинающими музыкантами, объединяя их вокруг себя и друг с другом. Он становится высококвалифицированным авторитетным профессиональным музыкантом, композитором дирижером, заметнейшей фигурой в республике. Он проявляет чуткое понимание задач и потребностей реальной музыкальной жизни – потому-то пишет песни для самодеятельных коллективов, для ансамбля «Кантеле», для духовых оркестров, для филармонических радиоконцертов – его фантазия и жажда работать, творить, общаться – неиссякаемы, он способен вдохновить других!

Потому-то столь естественным явилось избрание Рувима Пергамента председателем созданного в 1937 году Союза композиторов республики. Его он возглавлял бесценно до 1948 года. Его авторитет – по свидетельству коллег дирижера Л.Я. Теплицкого, композитора Г.-Р. Синисало и других – был непререкаемым, но без всяких давлений, либо ненужных понуканий – кому, что и как сочинять! Его природную чуткость, способность услышать другого, истинно интеллигентскую «разумность» скрашивали национальный юмор – ненавязчивый и тонкий, что в нем напоминало неподражаемого Шолом-Алейхема – народного писателя.

Постановление ЦК ВКПб от 48 года «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели» коснулось и Пергамента, но он отнесся к этому с высочайшим достоинством, как и подобает мудрому человеку: Суета сует (hABEЛЬ hABEЛИM).

Лучшее, что создавал Пергамент – обработки финских, венских, карельских, русских песен, оригинальные песни и романсы, развернутое вокально-симфоническое полотно «Аино» по бессмертному эпосу «Калевала» – первое подобное сочинение в республике, инструментальные пьесы, сюиты – все быстро находило своего слушателя, принималось широким зрителем, легко усваивалось, становилось популярным. А уж песня на слова А. Титова «Лесная наша сторона», воспевающая карельский край – родной для композитора – много лет бытует как народная...

В годы Отечественной войны и в первые послевоенные годы композиторский голос Пергамента крепнет, становится мужественным. Свойственная ему лирическая интонация, трогательная и проникновенная, подчас превращается в суровую, гневную – соответственно жанрам и текстам, к которым обращался композитор: песня «Победа будет за нами» на слова В.Гудкова (1941 г.), верного соратника и соавтора, вдохновителя ряда сочинений; поэма «Песня о соколе» на слова М. Горького (1942); «Песня о девушках партизанках», героинях карельского народа Анне Лисициной и Марии Мелентьевой, слова Б. Шмидта (1947); оратория «Обретенное счастье» на слова А. Титова (1952) и др.

Особого разговора заслуживают такие вершинные сочинения Пергамента, как симфоническая «Вепская рапсодия», 1953г. и опера «Кумоха», 1958, 2 редакция.

В Рапсодии уверенной рукой мастера, знатока фольклора и опыта русских композиторов-кучкистов воссоздан мир – завораживающий и непосредственный – народной жизни, быта с его горестями и радостями у всякого народа.

Комическая опера «Кумоха» (либретто Н. Рубана и В. Чехова) создавалась коллективом, в который вошли режиссер Н. Смолич, дирижер И. Шерман, художник Л. Ланкинен. Все были охвачены творческим горением, вникали в музыку. Герой оперы – деревенский парень Онто, простак и пройдоха – вобрал в своем образе черты, которые можно встретить у разных народов, национальностей, ценящиеся как вековечные – находчивость, сочувствие, верность, благородство, желание прийти на помощь страждущему... И вот такой сложный мир ёмко, ярко создает музыка Пергамента. В ней неподражаемо органично слились истоки культур, ему близких – карельских, русских, еврейских (отголоски фрейлекса с их ритмической остротой).

В целом наследие Рувима Пергамента – существенная и значительная часть музыкальной культуры Карелии. Камерно-инструментальные сочинения звучат – и с большим успехом, песни обретают новое дыхание. Композитор В. Кошелев подготовил к исполнению скрипичный концерт Пергамента, который не был завершен автором. Несколько лет тому назад в Петрозаводского консерватории была успешно защищена Е. Лосевой дипломная работа о творчестве Пергамента (рукопись хранится в библиотеке). Деятельность Р. Пергамента была отмечена – он получил звание Народного артиста Карелии, избирался депутатом Верховного совета.

Близится 100-летие со дня рождения композитора. Оно должно быть отмечено достойно, с данью уважения к тому, кто явился одним из основоположников национальной музыкальной культуры Республики.

Учитель божией милостью

Проходят годы после того декабрьского утра, когда зазвонил телефон, и я услышала срывающийся голос Людмилы Фрадковой: «Папы больше нет..». Ни разум, ни сердце не принимали эту весть: разве может не быть Исаака Самойловича! Ведь он самый молодой и живой из всех знакомых мне людей, несмотря на свои семьдесят с лишним лет, костыли и больное сердце...

Неимоверно трудным испытанием в последующие скорбные дни стало для меня участие в написании официального некролога: принятые в таких случаях выражения все сделанное Фрадковым приводили к некоему среднему знаменателю, но главное – сам факт подведения итогов не оставлял более никаких надежд. На похоронах запомнились глубокое горе сотен людей – не тихая скорбь, привычная для прощания с немолодым человеком, а настоящее горе.

Однажды к нам в редакцию «Лицея» заглянул литератор, давно живущий в Финляндии. Увидев на стене портрет Фрадкова, обрадовался: «Хороший мужик был!» Оказалось, наш гость – бывший ученик Исаака Самойловича, которого легендарный директор когда-то здорово поддержал в трудной ситуации – как многих из своих учеников. Приглядевшись к фотографии, литератор полушутя-полусерьезно воскликнул: «Это что – нимб над ним?!» Действительно, на снимке над головой учителя виден светящийся круг...

Исаак Самойлович Фрадков родился 3 июня 1927 года в городе Велиж Смоленской области. Отец – Самуил Соломонович Фрадков – окончил Еврейский институт в Вильно, учительствовал с 1908 года. Мать занималась воспитанием детей. Учителями были двенадцать родственников Исаака Фрадкова!

Незадолго до смерти в одной из публикаций он писал:

«Трудно вспомнить, когда я стал понимать многие слова – «школа», «учитель», «книги», «учебники»... По воскресеньям к отцу приходили товарищи по работе, бывшие ученики, среди которых нередко, как я позже узнал, бывал и Антон Семенович Макаренко, поэт Борис Слуцкий, Герой Советского Союза Немировский и другие.

Точно помню, что самой моей любимой игрой до семи лет была игра «в школу». В четыре года я уже свободно читал, очень хорошо считал и с нетерпением ждал возможности стать настоящим учеником. Иногда отец даже давал мне проверить ученические диктанты».

По мнению Исаака Самойловича, его профессиональное будущее определила школа, в которую он поступил 1 сентября 1934 года, – 83\94 экспериментальная харьковская школа. Завучем там работал его отец.

За три дня до начала Великой Отечественной войны Исаак Фрадков окончил семилетку и стал курсантом 14-й Харьковской артиллерийской школы специального назначения.

«Мы сразу повзрослели, почувствовали свою причастность к понятию «защитник Родины», и мы ее защищали – рытье окопов, противотанковых рвов, участие в ликвидации пожаров, в поимке немецких десантников-террористов стало повседневной нашей жизнью».

Судьба, даже несмотря на войну, продолжала вести Исаака к заветной цели. В 1943 году он оканчивал артспецшколу, и неожиданно выяснилось, что в одном из восьмых классов не хватает учителей. По просьбе начальника школы Григория Демьяновича

Ярового, которого чтит всю последующую свою жизнь, Фрадков с 1 сентября стал вести математику. Все подопечные 17-летнего учителя успешно сдали переводные экзамены, а сам он окончил артшколу с похвальной грамотой и уехал в артучилище в Красноярск.

Когда Фрадков окончил училище и был направлен в войска 1-го Белорусского фронта, шел июнь 45-го. Война де-юре уже была окончена, однако в Германии выстрелы продолжали звучать. При ликвидации одной из фашистских банд Фрадков получил тяжелое ранение в ногу. Но мирный договор был уже подписан, и ранение в личное дело не записали.

Впоследствии Исаак Самойлович много раз лечился в военных госпиталях, в 54-м был демобилизован из рядов Вооруженных сил, получил инвалидность. Но несмотря на все это, на награждение медалью «За Победу над Германией», статуса участника Великой Отечественной войны Фрадков так и не получил. Глубокая обида из-за этой несправедливости жила в нем до последних дней.

В армии Фрадков занимался политработой – был комсоргом, пропагандистом. Одновременно заочно окончил Ленинградский педагогический институт. Демобилизовавшись, стал учителем математики в петрозаводской школе рабочей молодежи №5. Директора этой школы Дорофея Никитовича Музалева называл своим крестным отцом в педагогике.

А 9 июня 1956 года молодой учитель и сам стал директором 9-й петрозаводской школы. Начался, по признанию Исаака Самойловича, «самый бурный, творчески насыщенный период» его жизни. Он пришелся на время, которое романтически назвали «оттепелью», с ее окончанием и завершился. Всего 13 лет, но каких!

Школа с приходом Фрадкова сразу же включилась в эксперимент по трудовому обучению и профориентации. В течение первого года в расписании появились новые предметы – машиноведение, электротехника, ручной труд, ввели факультатив по эстетике. Вскоре школа первой в стране полностью перешла на кабинетную систему. В каждом кабинете имелись киноустановка, эпидиаскоп, магнитофон. Ежегодно зарабатывали до 50-ти тысяч рублей, имея цеха на ОТЗ, швейной фабрике, ремзаводе. В педсовет, что было новостью для того времени, вошли ученики.

Новшества 9-й школы гремели по всей стране. Здесь был создан МБО – молодежный боевой отряд, который не только поддерживал дисциплину в школе (начали с того, что отменили дежурства учителей), но и следил за порядком в микрорайоне. Дежурили на рынке, боролись с хулиганами. Кстати, членом МБО, получившего статус внештатного отряда городской милиции, был нынешний министр МВД Карелии Игорь Юнаш.

В 1958 году один из пятых классов был полностью сформирован из трудных детей.

«То были второгодники и даже третьегодники, - вспоминал много лет спустя Исаак Самойлович. – Некоторым исполнилось уже 14-15 лет, и они были «грозой» в своих районах – чего только два брата-«разбойника» стоили! Что вытворял класс первое время – неопишимо...»

Лучшие педагогические силы были брошены на этот класс. Поскольку у всех ребят были неблагополучные семьи, их три раза в день кормили – конечно же, бесплатно. Каждому праздновали день рождения, водили в кино, читали им вслух, ввели ежедневные уроки физкультуры – незаменимое средство для выхода агрессии. Много чего еще было придумано, и результат превзошел все ожидания: выпускные экзамены за 8-й класс по русскому языку и математике недавние «трудные» сдали лучше других.

Прошли годы, и как-то в троллейбусе к Фрадкову бросился один из братьев-«разбойников» – Вадим. Сжимая учителя в объятиях, он все повторял: «До гроба буду помнить 9-ю школу!»

Не случайно столько пишу о внимании Фрадкова к так называемым трудным детям. Он не раз доказывал на практике: трудный вполне может оказаться одаренным. И вообще был убежден: нет трудных учеников – есть трудные воспитатели. Одни из

последних замыслов Исаака Самойловича был связан как раз со школой для таких учеников в Петрозаводске.

Все, сделанное Фрадковым в 9-й школе, трудно даже перечислить. Один из выпускников 9-й, известный журналист Валерий Хилтунен назвал Фрадкова человеком, опередившим свое время. Самое главное – его школа пестовала личности. Не случайно столько выпускников 9-й школы стали учеными, инженерами, руководителями всех рангов, наконец, просто прекрасными специалистами.

Трудно забыть вечер, посвященный 60-летию 9-й школы. 1996 год. Уже много лет прошло с того дня, как Фрадкова вынудили покинуть ее стены. Но будто и не было этих двадцати с лишним лет: огромная волна любви и поклонения со стороны бывших учеников накрыла с головой старого учителя. Дух ностальгии по школе, какой она была при Фрадкове, витал в зале. «Такого директора не было и не будет», «Стал учителем, хочу быть похожим на Фрадкова» и, наконец, десятки раз повторенное: «Я люблю вас!». Как сиял Исаак Самойлович, как, распахнув объятия, хотел обнять всех...

Много на той волне родилось новых планов, но ничто до практического воплощения не дошло: все меньше у Фрадкова оставалось физических сил, все больше подводных рифов обнажала новая действительность. «Свобода труднее несвободы», – как-то с горечью обронил Исаак Самойлович. Газета «Лицей», созданная в 1991 году, стала, наверное, последним оперившимся птенцом гнезда Фрадкова.

Исаак Самойлович был неисправимым идеалистом, всерьез убеждал, что среди трех тысяч его учеников – а помнил он каждого! – нет ни одного разгильдяя или непорядочного человека. Увы... И подводили, и имя учителя все употребляли, и даже, как это ни прискорбно, предавали. Конечно, то были исключения, но ведь их надо было пережить! Как пережить травлю завистников, игнорирование его уникального опыта в родной школе, многолетнее замалчивание заслуг. Став заслуженным учителем Карелии в 32 года, за всю последующую педагогическую деятельность Фрадков более ничего не получил. 8 раз коллеги представляли его к званию заслуженного учителя РСФСР, но документы не покинули даже пределы Петрозаводска.

В минуты, когда Учителю подставляли очередную подножку, сердце разрывалось от боли за него, не было сил смотреть в его растерянню-недоумевающие, полные обиды глаза. Глаза ребенка, который чистым пришел в этот мир и не может привыкнуть к его грязи и мерзости. Однажды в сердцах я сказала: «Самое страшное, что есть в нашем народе, – это зависть». Фрадков не согласился со мной: «Это во всех людях есть».

При всех невзгодах и случающихся в последние годы минутах отчаяния, Фрадков не раз называл себя счастливым человеком. Может, потому, что у него была удивительная любящая семья, которая глубоко сопереживала его делам. А присущее всем незаурядное чувство юмора давало на семейных встречах необходимую разрядку после безумных будней.

С девятнадцати лет и до последних минут жизни рядом с Исааком Самойловичем была его жена Софья Александровна, известный в Карелии врач. Надо было видеть, как замирал Исаак Самойлович, когда видел ее, сколько любви и нежности было в его глазах. Такого сильного чувства, пронесенного сквозь годы, я никогда более не видела. Не раз вытаскивая Исаака Самойловича буквально с того света, Софья Александровна была его настоящим другом, а порой и бескомпромиссным судьей. Уход Фрадкова из 9-й школы она назвала его величайшей ошибкой.

За месяц до его смерти они отметили золотой юбилей. Собрались только свои – дочери Даша и Мила, внуки Саша и Инна, зятья Слава и Борис. (В этом году талантливый ученый Борис Кауфман безвременно ушел из жизни). Будто чувствовали, что такое больше не повторится, и все записали на видео. Софья Александровна прочла посвященную мужу поэму об их жизни – знакомстве, его признании «Я тебя на всю жизнь полюбил», рождении детей и ... 9-й школе. По просьбе Исаака Самойловича свою поэму

Софья Александровна читала ему и в последний вечер его жизни, 11 декабря 1998 года. А наутро Исаака Самойловича Фрадкова не стало...

Официальное признание, которого так не хватало Фрадкову при жизни, приходит сейчас. 9-й школе присвоено его имя. Недавно при Министерстве образования и по делам молодежи Карелии создана рабочая группа по изучению педагогического наследия И.С. Фрадкова. Будут проводиться «Фрадковские чтения», откроется экспозиция в Музее образования республики. В 2002 году планируется издать сборник работ выдающегося педагога, воспоминаний о нем. И все же, все же, все же...

Дороги Герша Пукача

Герш Майрович Пукач (1923-2002) – один из основателей общества еврейской культуры «Шалом» (названного по его же предложению), известный театральный деятель России, заслуженный работник культуры Карелии. До конца своих дней он оставался полным сил и энергии, активным членом общины. Полвека жизни он отдал театру, и в театральном мире живут легенды и истории «от Пукача». Да и сам он теперь легенда...

В архиве общины остались воспоминания о годах молодости Герша Майровича – человека большой и непростой человеческой и еврейской судьбы.

Родился я в польском городе Калише. Это административный центр воеводства, расположенный примерно в трехстах километрах западнее Варшавы. Перед второй мировой войной из 100 000 жителей 20 000 составляли евреи. Семья наша была типичной еврейской семьей: дома говорили на идиш, соблюдали все обычаи и традиции. Во многом благодаря моему деду, который был ребе, учил детей еврейской грамоте. Я с малолетства, с трех лет, посещал его уроки. Дед мой прожил долгую и достойную жизнь. Я с ним расстался, когда ему было больше 90 лет. Немцы его, конечно, уничтожили.

В 7 лет я поступил в польскую школу. В ней учились дети евреев. Учась в школе, примкнул к сионистскому движению - вступил в молодежную еврейскую организацию бетар ("Союз имени Иосефа Трумпельдора"). Эта организация была создана в 1923 году в Риге. Она ставила своей целью создание еврейского государства по обоим берегам Иордана. Организация стала авангардом движения сионистов-ревизионистов, созданного Владимиром Жаботинским.

Мы учили иврит, занимались спортом, словом, готовили себя к самообороне и жизни в будущем еврейском государстве. Я был там хотя и самый высокий, но самый младший.

В этой организации я состоял до последнего дня, пока в Калиш не пришли немцы. Последнее собрание было 31 августа. Мы сняли наш бело-голубой флаг, один из членов организации его спрятал, и мы разошлись. А утром в нашем городе уже были немцы.

Нормальная жизнь кончилась. Вся моя семья, наши родственники никуда не успели уехать. В первые же дни немцы хватили евреев на улице и выводили на работы - самые тяжелые и грязные. Если у людей не хватало сил, их выстраивали в шеренгу и каждого десятого расстреливали. Я дважды или трижды стоял в такой шеренге... Но Б-г был милостив ко мне.

Вскоре немцы создали в Калише гетто: огородили колючей проволокой территорию бывшего базара и туда загнали 15 тысяч евреев. Там ничего не было - один асфальт. Тащите солому, делайте что хотите и как можете живите. Что там была за жизнь, трудно вспоминать спокойно: даже поляки, которые нас не очень-то любили, через проволоку кидали гнилую картошку и хлеб, чтобы как-то помочь выжить. Каждое утро строили колонны и выводили людей на работы. Конечно, самые тяжелые и изнурительные. Я тоже несколько раз выходил на работу. И в один прекрасный день, несмотря на то, что там у меня остались отец, мать, две сестры, все родственники, я убежал.

Решил пробираться на восток - в сторону СССР. В варшавском поезде было полно немцев, а на моем рукаве - нашивка с маген-Давидом, которую должен был носить каждый еврей. Одной рукой я ее закрыл и так ехал до самой Варшавы. Из Варшавы не без приключений добрался до Белостока.

Что здесь творилось - жуть. Людей тьма -из Польши, из Румынии. Устраивались, кто как мог. Я жил в зверинце, в клетке, оставшейся от зверей. Вскоре началась вербовка

на шахты на Урал. И у меня хватило ума завербоваться: сказал, что мне 18 лет, мне поверили. А тех, кто не завербовался, потом отвезли туда уже под конвоем.

Когда мой контракт на Урале закончился, я поехал в Симферополь. Это был март 1941 года. Недолго там пришлось пожить. Началась война, я был эвакуирован в глубь страны: Дагестан, Казахстан. Когда начала организовываться польская армия имени Тадеуша Костюшко, меня вызвали в военкомат: надо идти в польскую армию. Надо идти - значит надо идти. Армия формировалась под Москвой. Недели через две нас выстроили, и польский генерал, поблагодарив за то, что мы отозвались на призыв идти воевать за Речь Посполитую, заявил: "Поскольку в армии оказалось больше евреев, чем поляков, придется вас пока отпустить". И повезли меня обратно в Казахстан.

Там меня мобилизовали в трудовую армию, и попал я на строительство завода ферросплавов в Актюбинск. Когда в 1944 году освободили Карелию, нашу часть перебросили на восстановление Беломорско-Балтийского канала. Так я оказался в Карелии. Штаб управления снабжения был в Медвежьегорске. Я был представителем этого управления в Петрозаводске.

В 1946 году вышло постановление правительства, что все поляки могут вернуться в Польшу. К этому времени я уже был советским гражданином. Но постановление распространялось на всех, кто родился в Польше. Я подал документы в НКВД и - "до видzenia", уехал в Брест, на границу между Польшей и СССР,

В Москве я зашел в польское посольство. Там можно было посмотреть результаты переписи населения Польши по состоянию на 1 января 1946 года. Отдельно были переписаны евреи. До войны в Польше жило 5 миллионов евреев, а теперь все их фамилии умещались на 10-15 страничках. И когда я дошел до города Калиша и других городов, где жили мои родственники, и не нашел ни одной знакомой фамилии, мне стало жутко грустно. Стало ясно, что все мои родные погибли. Еще в 1941 году я с ними переписывался. Они были уже в Майданеке или в Освенциме, но письма от них доходили. Последнее письмо я получил уже после 22 июня. Писалось оно в конце мая 1941 года, значит, они погибли где-то в 1941 году. Когда я был в Израиле, в Яд ва-Шеме, то занес их имена в Книгу памяти.

Но тем не менее я поехал в Польшу. В Бресте на вокзале при мне пришел поезд из Польши. Из него выходили евреи, которые успели побывать там, а теперь возвращались обратно. "Ты куда едешь?", - спрашивали они меня. - Все, что было, продолжается до сегодняшнего дня". И действительно, даже после войны в Польше были погромы, там убивали десятки, сотни евреев.

Я подумал: никого у меня там нет, ехать некуда, да еще вот это известие... И я решил вернуться. Так я вновь оказался в Петрозаводске и живу в нем уже более 50 лет.

Могу сказать, что жизнь здесь сложилась удачно. Я имел и имею хорошую работу, доброе отношение со стороны окружающих меня людей.

Я жил, родился, воспитывался в традициях нашего еврейского народа, и все годы, где бы я ни был, не забывал, кто я такой. Каждый народ должен знать свою историю, свои истоки и не должен этого стесняться. Наш народ - народ героический. И пусть он долго-долго живет и процветает.

Записала Юлия Генделева

Иридий Михайлович Менделеев

14 мая 1991 года в возрасте 64 лет после тяжелой болезни умер один из выдающихся клиницистов нашей страны, заслуженный врач РСФСР и КАССР, доктор медицинских наук, профессор Иридий Михайлович Менделеев.

Иридий Михайлович родился и вырос в Ленинграде. Жил он с мамой Раисой Григорьевной – директором одной из престижных средних школ Ленинграда. Отца своего он знал мало, так как тот был репрессирован в 1937 году.

Нелегким были его школьные годы, пришедшиеся на годы войны. Во время учебы в 1-ом Ленинградском медицинском институте Иридий Михайлович был комсомольским вожаком, совмещал отличную учебу с работой лаборантом на одной из кафедр вуза. Получив в 1951 году диплом врача, И.М. Менделеев приехал в Карелию, где прошла вся его дальнейшая жизнь. Вся его врачебная и научная деятельность была связана с Республиканской больницей, которая своим нынешним высоким уровнем в немалой мере обязана именно ему. В 1959 году, преодолевая трудности, И.М. Менделеев организовал гематологическое отделение, ставшее одним из первых и лучших в РСФСР. В 1957 году Иридий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию и написал монографию по проблемам дифиллоботриозной анемии — тема весьма актуальная для Карелии.

И.М. Менделеев является одним из пионеров радиоизотопной диагностики у нас в стране. На базе созданной им радиоизотопной лаборатории в Республиканской больнице были проведены исследования оценки функционального состояния эритропоеза при заболеваниях системы крови с помощью железа-59. Результаты этой работы с успехом были сообщены на XI Международном съезде гематологов в Сиднее, послужили основой блестяще защищенной им докторской диссертации. И кандидатская и докторская диссертации были сделаны за счет личного времени, ни дня отпуска для научной работы Иридий Михайлович не имел.

И.М. Менделеев был терапевтом широкого профиля. Блестящий врач, он не имел технического образования, но буквально на уровне инженера знал сложную медицинскую аппаратуру и владел методами инструментальной диагностики и терапии. Особенно это касалось радиоизотопных исследований и лучевой терапии. Он ввел в Карелию ширококомантийное облучение при лимфогранулематозе, разработал схемы облучения и введения радиофармпрепаратов при неопухоловой патологии.

На базе терапевтических отделений Республиканской больницы в 1964 году Иридий Михайлович организовал кафедру госпитальной терапии, которую возглавлял до своих последних дней. Он автор 136 печатных работ. Его монография «Очерки клинической гематологии» в свое время была настольной книгой многих врачей в нашей стране. Под руководством Иридия Михайловича защищено 14 кандидатских диссертаций, он был идейным вдохновителем двух докторских диссертаций. По сути им была создана в Карелии гематологическая школа, которая в 1974 году одной из первых у нас в стране начала успешно заниматься современными методами радикального лечения больных острым лейкозом и лимфогранулематозом. Результаты этой работы широко и систематически публиковались в центральной медицинской печати. К профессору Менделееву приезжали лечиться гематологические больные из разных мест нашей страны.

Иридий Михайлович был членом редакционного совета журнала «Проблемы гематологии и переливания крови», членом правления Всесоюзного общества гематологов и трансфузиологов. Много лет он возглавлял общество терапевтов Карелии, в последние годы был председателем республиканского общества милосердия.

Весьма высок был его человеческий и деловой авторитет среди товарищей по работе, больных и студентов. Он был блестящим лектором.

Каждое утро в 9.00 он проводил врачебную терапевтическую конференцию, а в 22.00 дежурная служба ежедневно по телефону докладывала ему домой о положении дел в больнице. Каждую пятницу в 13.00 проходили клинические конференции, на которых разбирались сложные для диагностики и лечения случаи. Он был весь в работе, по сути праздники и выходные для него не существовали.

Неутомимый труженик, он много сил вложил в строительство нового терапевтического корпуса Республиканской больницы, внося существенные поправки в его проект. Так, по его инициативе построен конференц-зал. Он участвовал в планерках строителей, которые советовались с Иридием Михайловичем. В это время один больной рассказывал: «Смотрю, у них тут шустрый прораб работает, и этот же «прораб», гляжу, у них в больнице профессорские обходы делает». Недаром переход между терапевтическим и хирургическим корпусами называют неофициально «Проспектом Менделеева».

Чуткий, скромный, отзывчивый товарищ, высокоинтеллигентный человек, неутомимый энтузиаст и труженик, отдавший все свои силы и время больным, науке, обучению студентов и врачей — таким был Иридий Михайлович. Именно под его руководством сложился единый рабочий коллектив из сотрудников кафедры и врачей терапевтических отделений Республиканской больницы.

...В Бесовце, на холме среди могучих сосен покоится настоящий Человек, Врач, Ученый, дорогой наш Иридий Михайлович Менделеев.

Кафедре госпитальной терапии присвоено имя И.М. Менделеева.

Прошло 10 лет. Ученики Иридия Михайловича достойно продолжают его дело.

В 1959 году на уровне знаний того времени И.М. Менделеев сделал попытку трансплантации костного мозга. И вот теперь в 2001 году его ученик заведующий гематологическим отделением Республиканской больницы А.А. Мясников, на самом современном уровне, впервые в Карелии провел успешную аутопересадку костного мозга. Кафедра госпитальной терапии — детище И.М. Менделеева и сегодня, как при его жизни, продолжает под руководством ученика Иридия Михайловича профессора В.К. Игнатьева занимать ведущее место на медицинском факультете Петрозаводского госуниверситета и в терапевтической службе Карелии.

Жена Иридия Михайловича Тамара Самарьевна с дочкой Леной и внуком Сашей в настоящее время живут в Израиле.

Профессор Фролькис

«Профессор Абрам Вениаминович Фролькис» – так называется книга, вышедшая из печати в 2001 г. в издательстве «Нормед-издат» в Санкт-Петербурге.

Я знал Абрама Вениаминовича, хотя не могу отнести себе ни к его ученикам, ни к друзьям. Книга написана друзьями, учениками и крупными учеными России, в ней как в каждой работе памяти – гореть утраты и оценка деятельности этой незаурядной личности. Биография человека говорит о многом, но о вкладе ученого в науку могут говорить только те, кому мы доверяем и лаем право на это.

Абрам Вениаминович Фролькис родился в 1920г. в Житомире во врачебной семье. После отличного окончания школы поступает в Киевский медицинский институт, который заканчивает в 1942 г. уже в Челябинске (туда был эвакуирован институт). Сразу же по окончании института – фронт под Москвой, где он командир медико-санитарного взвода. Выносил раненых с поля боя, прыгал с парашютом. В 1947 году пытался поступить в адъюнктуру Военно-медицинской академии. Блестяще сданные экзамены не дали возможности для поступления в академию. Из более тридцати претендентов он третий по оценкам, фронтовик. Член комиссии генерал, профессор Новодворский В.М. после экзаменов сказал «Сочту за честь, если Вы согласитесь стать адъюнктом на моей кафедре». Вместо адъюнктуры ему представляют возможность поступить на двухгодичный факультет усовершенствования (замена неравнозначная). За два года Абрам Вениаминович защищает кандидатскую диссертацию. Подобное – прецедент в истории факультета. По окончании факультета он начальник терапевтического отделения Архангельского госпиталя, затем его переводят в Вологду, потом на ту же должность в Пушкин. Огромная работоспособность и талант позволили практическому врачу гарнизонного госпиталя к 40 годам, подготовить огромный труд – докторскую диссертацию.

Абрам Вениаминович человек талантливый, незаурядный. Однако, шестидесятые годы – отголоски прошлого. За два года ему пришлось трижды защищать и перезащищать докторскую диссертацию. На последней защите диссертация была утверждена единогласно и через два месяца ее утверждает ВАК.

В 42 года Абрам Фролькис доктор медицинских наук, позади несправедливость и абсурд. Дальнейшее продвижение в армии невозможно. Уволиться из армии нельзя. С большим трудом он все-таки уходит из армии.

Абрам Вениаминович проходит по конкурсу на кафедру терапии медицинского факультета Петрозаводского университета, где создает блестящую кафедру и школу гастроэнтерологов. Он заведовал кафедрой 16 лет с 1963 по 1979 год. В первую очередь он был врачом. Будучи консультантом существовавшей тогда спецбольницы, лечил все начальство Карелии.

В 1971 году он читает первую Актовую речь, которая поручается самым авторитетным и уважаемым ученым. Тема лекции «Основные критерии современной терапии». Подобная тема очень трудна и ответственна. Блестяще прочитанную речь, он закончил заветом для практического врача, в котором есть три положения П. Уайта:

1 – любовь к больному, 2 – научный склад ума, 3 – интерес к раскрытию болезни.

За этот период времени он воспитал блестящую школу гастроэнтерологов. Под его руководством защищено 16 кандидатских диссертаций. Абрам Вениаминович. Написал около 300 научных статей и 12 книг. Основные его научные работы посвящены заболеванию кишечника, не случайно он был признан гастроэнтерологом – терапевтом N1

(проф. Коростовцев С.Б.) Книги Фролькиса рождались тогда, когда он полностью овладевал предметом и знал о нем все. Блестящее владение пером делали эти книги-монографии полезными, убедительными, а для гастроэнтерологов они стали настольными в практической жизни.

Он принимал участие в работе многих конференций и съездов Союза и России, выступал на них с докладами. Однажды на заседании конференции крупнейший терапевт страны академик Василенко В.Х. сказал: «Давайте спросим профессора Фролькиса, что он об этом думает.....» Выступления Абрама Вениаминовича, как и его вопросы на заседаниях обществ и конференций, всегда были лаконичными и предельно содержательными, отличались ясностью и четкостью. За его заслуги ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки КАССР. По окончании Петрозаводского периода жизни, вернувшись в Ленинград, он стал главным терапевтом в больнице Ленинградского оптико-механического объединения. В последние годы был сотрудником в ГИДУВе (ныне МАПО) в центре сорбционных технологий. Абрам Вениаминович продолжал активно трудиться, сотрудничая в центральных медицинских журналах, был профессором-консультантом в терапевтических стационарах, читал отдельные лекции на кафедре гастроэнтерологии МАПО. Он писал и издавал каждые 2-3 года новые монографии.

Таков был крупнейший гастроэнтеролог страны, блестящий ученый, врач и учитель Абрам Вениаминович Фролькис. Его петрозаводский период жизни оставил глубокий след на медицинском факультете Петрозаводского университета и у жителей Карелии.

Абрам Голланд

В конце января исполнилось 90 лет со дня рождения Абрама Исаевича Голланда – композитора, пианиста, дирижера, общественного деятеля, засл. арт. Карело-Финской ССР, засл. деят. иск. РСФСР и КАССР. Он родился 27 января 1911 г. в Чите в состоятельной еврейской семье, имевшей одиннадцать детей (7 братьев и 4 сестры). В дальнейшем жизнь разбросала их всех по свету: одна из сестер оказалась в Америке, брат – в Израиле, сын – в Голландии, остальные родственники – в разных концах необъятной России.

Отец семейства, Исайя Голланд, имел скорняжную мастерскую, которая давала стабильный доход. Несмотря на большое число детей, Голланды жили обеспеченно. Они занимали просторный, хорошо обставленный, дом в центре Читы, с множеством комнат и вспомогательных помещений. О материальном благополучии родителей, по воспоминаниям Абрама Голланда, свидетельствовали шاباتы, собиравшие за столом кроме отца, матери, детей, еще родственников и знакомых. Столы ломились от изысканных еврейских угощений, среди которых на первом месте были традиционные фаршированная щука или судак, форчмак (именно так именовали в семье это блюдо), жареные цыплята, цимес из моркови. Свидетельством достатка являлся и тот факт, что сколько бы человек не садились за стол на шабат, каждый был дорогим и желанным и каждый получал по целому жареному цыпленку. Это распространенное еврейское гостеприимство и хлебосолие царили впоследствии и в семье самого Абрама Голланда и его жены Ядвиги Голланд, известной в Карелии артистки оперетты, засл. арт. КАССР (театральное имя Ядвига Страздес), родившейся в Литве и пережившей своего мужа на три года.

Дети росли в атмосфере тепла и уюта, окруженные заботой и любовью отца и матери Софы, домохозяйки, не работавшей нигде кроме своего дома. Родители поддерживали и поощряли интересы детей. Видя их увлечение музыкой, они купили рояль. И не какой-нибудь, а знаменитый “Steinway”, считавшийся тогда в начале XX века (впрочем и сейчас в начале XXI) одним из лучших. Музыкальное дарование Абрама проявилось очень рано. В 12-13 лет он уже выступал в открытых концертах, аккомпанировал гастролировавшим в Чите именитым солистам. В одном из таких концертов ему даже пришлось сыграть труднейший Скрипичный концерт Г.Венявского. Начальное музыкальное образование Абрам Голланд получил в Чите в Народной консерватории.

Осенью 1925 г. в 14 лет он покидает отчий дом (как потом выяснилось навсегда) и едет для продолжения музыкального образования в д. Путь был не близкий, и поездка из Читы в Петроград заняла две недели. Все классы консерватории к этому времени были уже укомплектованы и прием абитуриентов завершен. Не желая терять год и стремясь найти выход из создавшегося положения, А.Голланд обращается за помощью к тогдашнему ректору Ленинградской консерватории композитору А.К.Глазунову. Выслушав юного посетителя, маэстро посоветовал ему поступить во вновь открывшийся в Ленинграде Центральный музыкальный техникум, в деятельности которого нашли отражение самые новые и передовые для того времени педагогические идеи. А.Голланд попадает в фортепианный класс М.С.Друскина. Здесь он проходит хорошую пианистическую школу.

Параллельно с занятиями по фортепиано А.Голланд посещает, в качестве вольнослушателя, класс композиции П.Б.Рязанова. Его собратьями по курсу оказались студенты-композиторы Никита Богословский, Василий Соловьев-Седой (тогда еще просто В.Соловьев), Иван Держинский, Наталия Леви, Николай Минх – в будущем все известные композиторы, работавшие в жанрах эстрадной песни, оперетты, джазовой

музыки. Не избежал увлечений этими жанрами и А.Голланд. В его портфеле уже в те годы были песни, эстрадные сочинения.

Ко времени учебы в Центральном музыкальном техникуме, т.е. к концу 20-х гг., относится начало деятельности А.Голланда в немом кино. Выдержав огромный конкурс (около 200 человек), он приступает к работе в качестве пианиста-иллюстратора в одном из кинотеатров, расположенном на Невском. Играть приходилось как популярную музыку, так и импровизации, характер которых должен был соответствовать событиям, происходящим на экране. Это была прекрасная школа, дававшая молодому музыканту не только заработок, но и учившая мгновенно подмечать важные детали, сочинять краткие и точные характеристики, действовать оперативно, гибко. Эта практика в дальнейшем композитору очень пригодилась в создании ярких, запоминающихся образов в его музыке к драматическим спектаклям, в опереттах, вокально-симфонических сочинениях, песнях.

Последующие десятилетия в творческой биографии А.Голланда оказались весьма плодотворными. Он получает ряд приглашений на работу в театры страны, но из всех выбирает театр Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, в котором занимает пост заведующего музыкальной частью и дирижера. Несколько лет спустя переезжает в Луганск уже в театр юного зрителя на ту же должность. Вероятно, в эти годы зародился у него интерес к театру и театральной музыке, который сохранялся на протяжении всей творческой жизни. В 1940 г. жизненные пути приводят его в Выборг в театр русской драмы. С этого момента вся творческая деятельность А.Голланда протекает на северо-западе России.

Абрам Голланд – участник двух войн, зимней финской (1939-1941) и Великой Отечественной (1941-1945), был дважды ранен, демобилизовался в чине старшего лейтенанта. В годы зимней войны Политуправление Карельского фронта поручило ему организовать Ансамбль песни и пляски Пограничных войск Карельского фронта. По приказу командования участников будущего коллектива (около 80 человек) он собирал в частях действующей армии. Умело подобранный репертуар, завидный профессионализм артистов ансамбля, художественная завершенность отдельных номеров и всей программы в целом определили успех коллектива. Он быстро завоевал популярность, став любимым фронтовым составом. Музыканты объехали с концертами все ближние и дальние заставы, выступали на передовой. Во время одного из таких выступлений А.Голланд был ранен. Одним из первых в России среди работников искусства он получил орден Красной Звезды.

Находясь с ансамблем во время войны на территории Карелии, А.Голланд имел возможность познакомиться с музыкальным фольклором народов, населяющих республику, который произвел на него большое впечатление. Тогда же в начале 40 гг. он впервые встретился с молодой финской певицей из Петрозаводска Сирккой Рикка, выступавшей в составе женского вокального квартета Их творческий союз продолжался более 40 лет. Очень часто именно С.Рикка доверял композитор премьеру и последующее исполнение своих вокальных сочинений (“Веселый пастушок”, “Там где милый”, “Люблю тебя, Карелия”). В начале 50-х гг. совместными усилиями они подготовили программу, включающую “Песни народов мира”, значительную часть которой составили обработки русских, финских, карельских, вепсских, английских, польских и негритянских народных песен. Все обработки были сделаны мастерски, с хорошим вкусом и бережным отношением к первоисточнику.

Особые отношения сложились у композитора с ансамблем “Кантеле”. Работа в коллективе в конце 40-х – начале 50-х гг. позволила хорошо изучить исполнительскую специфику и возможности ансамбля и впоследствии много и плодотворно сочинять для него.

Песенное творчество – основная сфера композиторской деятельности А.Голланда.

Именно в этой области он наиболее полно и разносторонне проявил себя. Около 200 песен, написанных автором, дают основание называть его композитором-песенником. Но сфера его творческих интересов несомненно намного шире.

Театр – другая глубокая и постоянная привязанность А.Голланда. Его интересуют необычные специфические задачи музыкального оформления спектаклей. В молодости он с увлечением и изобретательностью готовил концертные программы театра Промкооперации в Петрограде, делал разного рода музыкально-литературные монтажи и обзоры, писал музыку к водевилям, драматическим спектаклям. В Русском драмтеатре Петрозаводска А.Голланд написал музыку почти к 80 постановкам.

Наряду с драматическими спектаклями одним из любимых театральных жанров композитора была оперетта. Музыка оперетт отмечена яркой образностью, красочностью, остроумием, весельем, она обращена к широкой аудитории. У оперетт А.Голланда – “Маскарад в лесу” “Возраст женщины” (обе совместно с Г.Синисало), “А любовь – красота”, “Ребята настоящие” – счастливая сценическая жизнь. Композитор не обошел вниманием и традиционные камерно-инструментальные жанры, такие, как струнный квартет, трио и др.

Завершая статью, невольно хочется вспомнить старую притчу о художнике, который на вопрос, сколько времени он рисовал свою лучшую картину, сказал: “три месяца и всю жизнь”. Любое подлинно зрелое сочинение, являясь результатом минутного озарения, в то же время заключает в себе весь художественный и духовный опыт творца, а потому, так или иначе, оказывается делом всей жизни. Это справедливо и по отношению к музыке Абрама Исаевича Голланда.

Она звалась Татьяна

В один из дней декабря 2000 года в концертном зале Петрозаводского музыкального училища им. К.Э. Рауттио собрались многочисленная аудитория любителей хоровой музыки на не вполне обыкновенный, но уже ставший доброй традицией концерт. Проводится он уже 9 раз и приурочен ко дню рождения Татьяны Гликман – выпускнице и преподавателя училища.

А не вполне обычный и даже печальный он потому, что самого виновника этого торжества нет среди нас: 19 августа 1992 года на 53 году жизни наступила ее неожиданная для всех друзей и коллег смерть.

Не каждый удостоивается подобного почитания. Многих очень выдающихся и уважаемых в коллективе, городе и республике людей отмечают только по "круглым" датам. Пожалуй, ежегодные торжества памяти Т. Гликман – единственный такой случай. За что же удостоилась она такой чести?

Татьяна Гликман родилась 10 декабря 1939 года в семье музыкантов – выпускников ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. Отец ее Леонид Самуилович Гликман (1909 - 1941) к тому времени окончил фортепианные факультеты Бакинской (1932г., класс проф. Г. Г. Шароева) и Ленинградской (1938 г., класс проф. П.А. Серебрякова) консерваторий. Мама Татьяны – Цецилия Наумовна Кофьян (1907 - 1987) окончила инструкторский факультет Ленинградской консерватории по специальности "хоровое дирижирование". Хотя у обоих молодых специалистов были отличные перспективы для карьеры в Ленинграде, они без сомнений поехали в столицу Карело-Финской ССР, где музыкальная культура была в стадии становления. Леонид Гликман стал солистом филармонии, вел класс фортепиано во Дворце пионеров, преподавал на специальных курсах при Доме творчества для художественной самодеятельности. При его деятельном участии создавалась Карельская организация Союза композиторов РСФСР, членом которой он был с 1938 года.

Ц. Н. Кофьян была руководителем хора Дворца пионеров, преподавала сольфеджио в Музыкальном училище, в организации которого также принимала активное участие.

Когда началась Война, Татьяна, которой было тогда без малого 2 года, отправилась с мамой в эвакуацию в сторону Урала. Леонид Гликман ушел на фронт, отказавшись от брони, освобождавшей его от призыва. С фронта он не вернулся. Погиб в первые месяцы войны. Обстоятельства, место гибели и захоронения точно неизвестны, скрыты в тумане "показаний очевидцев".

Об отце у Татьяны сохранились отрывочные воспоминания (младенческая память оказалась цепкой и прочной), но больше знала она о нем по рассказам мамы и немногим материалам домашнего архива, которые Цецилия Наумовна бережно хранила. Мало того, что родители для нее всегда были идеалом в жизни и работе, от них Татьяна наследовала разнообразные способности. Разумеется, прежде всего, она – музыкант.

Вернувшись из эвакуации в Петрозаводск, Ц. Н. Кофьян приступила к восстановлению музыкального образования. С ее участием возобновили свою работу Музыкальная школа и училище. В училище она вела курс сольфеджио, была заместителем директора по учебной части.

Татьяна росла, что называется, у мамы на работе. Она успешно училась в музыкальной школе по классу фортепиано, но в училище поступила на отделение хорового дирижирования. Среди ее учителей – Исай Эзрович Шерман, Лев Николаевич Косинский, Вениамин Наумович Толчинский. Мама для нее – пример педагога-воспитателя, сочетавшего в себе высокий профессионализм, требовательность,

принципиальность с чуткостью, добротой, искусством найти индивидуальный подход к каждому ученику. В последствии, окончив дирижерско-хоровой факультет Ленинградской консерватории, Татьяна вернулась в родное училище в роли преподавателя и успешно продолжила дело своих родителей.

Основной своей педагогической специальностью Татьяна всегда считала дирижирование. У нее была отлично разработанная методика обучения мануальной технике, в которой она обобщила опыт профессоров консерватории (А.Е. Никлусов, но более всего, пожалуй, - К. А. Ольхов) и училища, но до многих деталей и тонкостей дошла своим путем. Ученики ее успешно поступали в лучшие ВУЗы страны и сейчас работают в разных городах России и "ближнего зарубежья".

Но работой в дирижерском классе Татьяна не ограничивалась. Она была преподавателем сольфеджио, теории музыки, гармонии. При этом и здесь она не только использовала опыт своих учителей (Ц. Н. Кофьян, Б. Н. Незванов, К. Н. Дмитриевская), но искала и находила свои методы преподавания.

Педагогическую работу Татьяна не мыслила в отрыве от концертно-исполнительской практики. Некоторое время она была хормейстером академического хора ПГУ. Много лет работала она в качестве хормейстера Народной капеллы ДК Профсоюзов Карелии. Когда на одном из пленума Карельского Союза композиторов понадобилось озвучить новые сочинения Э. Патлаенко для детского хора, и все руководители действующих хоров отказались от них, найдя слишком трудными, Татьяна собрала группу учащихся дирижерско-хорового отделения. Они не только быстро выучили эти песни и успешно исполнили их, но превратились в активную концертующую группу с интересным камерным репертуаром от Баха до современных песен. Группа выступала не только в Петрозаводске, но и в районах Карелии и за пределами республики.

Авторитет, который завоевала Татьяна Гликман у своих учеников и коллег, позволил ей занять должность заведующей Дирижерско-хорового отделения. Позже к этому добавилось руководство академическим хором ДХО, на которое Татьяна решилась после долгих сомнений. Под руководством Татьяны хор из учебного превратился в коллектив, сочетающий основные, учебно-педагогические функции, с активной концертной деятельностью, участием в смотрах и конкурсах, гастрольными поездками.

На этих должностях Татьяна пребывала до конца своей жизни. К ним добавилась еще одна общественная творческая работа: она стала хормейстером камерного хора "Валаам". Этот хор из студентов и преподавателей училища сложился под руководством автора этих строк к 1988 году. Дивный остров Валаам для Татьяны, как и для нас, стал любовью и болью. На Валааме бывали туристы из разных городов России, из Финляндии. Суровые финны не скрывали слез, когда хор под руководством Татьяны Гликман пел "Suomen laulu" Ф. Пациуса, "Muisto" Борениуса или "Miserere" А. Лотти.

1992 год - год последней нашей поездки на Валаам стал для Татьяны роковым, последним годом ее земной жизни. Там 12 августа ее поразил инсульт и 19 августа в Сортавальской районной больнице закончился ее жизненный и творческий путь.

Обладая многими талантами, Татьяна имела и удивительный дар общения. В любой компании: среди коллег, студентов, участников самодеятельности, случайных попутчиков в дороге - она была душой общества. Жизнерадостность, чувство юмора, разносторонняя эрудиция, дар интересного рассказчика-собеседника, общительность делали ее человеком незаменимым в любой среде. Особенно привлекательными были капустники, в которых Татьяна была и ведущим автором и режиссером и одним из первых исполнителей. В этих увлекательных, веселых, порой дерзких в критике недостатков текстах, когда под огонь сатиры и юмора попадали не только ученики и коллеги, но и власть придержащие, проявился незаурядный литературный дар Татьяны. Интересно отметить, что очень многие персонажи из окружения Татьяны искренне полагали, что именно их она считала своими лучшими друзьями. Многие ученики полагают, что именно

они – самые любимые ее воспитанники, для которых Татьяна была не только учителем, но и другом. Действительно, для нее не было нелюбимых учеников и безнадежно плохих людей. Она могла простить любую ошибку, любой недостаток (кроме подлости). Часто говорила она, что лучше ошибиться, поверив человеку, чем обидеть его недоверием.

Литературно-поэтический дар и тягу к сочинению музыки Татьяна тоже унаследовала от отца. И если музыкальные произведения, и, прежде всего – хоры на стихи Н. Рубцова и собственные слова еще исполнялись при ее жизни, как, впрочем, и обработки народных песен Карелии, то стихи свои она показывала лишь ближайшим друзьям.

Сколько помню, лишь один раз Татьяна выступила с чтением собственного стихотворения на вечере памяти поэта В. Морозова. Когда один из поэтов неудачно процитировал строчки из малоприятного стихотворения Е. Евтушенко "Володя Морозов", Татьяна не выдержала и прочитала свой страстный, гневный "Ответ Евгению Евтушенко...", чем заслужила горячее одобрение аудитории, состоящей из поэтов, знатоков и почитателей таланта безвременно погибшего поэта.

В 1999 году к 60 – летию Татьяны Гликман друзья составили и выпустили в свет небольшую книжечку ее стихов под названием "Люди, милые люди! Как хорошо мне с вами!" Многие из круга близких к автору коллег, друзей неожиданно и впервые открыли для себя огромный, богатый и противоречивый духовный мир Татьяны, в котором были не только радость жизни, шутки и смех, но и боль, страдания, отчаяние, чувство одиночества и обреченности:

Ушедших, но близких и милых
Как часто я вижу во сне.
Мне кажется, в темных могилах
Тоскуют они обо мне.

Ни гнева, ни слова укора –
Предчувствуют молча беду
И знают, конечно, что скоро
Я к ним непременно приду.

6.08.1984

Шесть стихотворений из этого сборника уже стали материалом для хоровых композиций и надо полагать, что появятся новые музыкальные прочтения поэзии Татьяны Гликман.

Татьяна относится к числу тех людей, о которых говорят, как о вечно живых. Она жива в памяти коллег, учеников, детей и внуков, в музыкальных и поэтических произведениях. Вот поэтому и существует традиция отмечать день ее рождения ежегодно 10 декабря.

Человек, излучавший свет

Недавно ребята из 11 "Ц" (целевого) класса 30 гимназии провели опрос на улицах Петрозаводска, знают ли жители нашего города, кто такой Генрих Саулович Альтшуллер? Как выяснилось, никто из опрошенных не знал этого человека. Правда, вполне возможно, что эти люди не знают, кто такие Галилей или Ньютон, но ни Галилей ни Ньютон не жили в нашем городе. Генрих Саулович не только с 90-го года жил в Петрозаводске, но и могила его находится на Сулажгорском кладбище. А ведь по вкладу в развитие человечества его можно поставить в один ряд с величайшими умами планеты. Он создал науку о творчестве, он доказал, что творчество не удел избранных, творчеству можно учиться. Наука, которую он создал, называется Теория решения изобретательских задач. Он родился 15 октября 1926 года в семье журналистов. Его отец, Саул Ефимович, родом из Одессы. Там окончил мореходное училище, работал судовым механиком, служил в порту, участвовал в Первой мировой войне, был ранен, награжден медалью. После войны работал журналистом, писал книги. Мать, Ревекка Юльевна росла в очень религиозной семье, что не помешало ей стать хорошей журналисткой. Родители познакомились, работая в Азербайджанском телеграфном агентстве АзТАГ.

В год рождения Генриха родители по семейным обстоятельствам вынуждены были переехать в Ташкент и несколько лет работали в редакции газеты «Правда Востока». В 1933 году семья переехала в Баку, и именно Баку Генрих всегда считал своей родиной. Родители часто разъезжали по командировкам, и уже в школьные годы его иногда оставляли на несколько дней на попечении соседей. С раннего возраста он был очень независимым и свободолюбивым человеком.

Еще в школе увлекся фантастикой. Здесь ему повезло с учительницей русского языка и литературы. Звали ее Тамара Андреевна Серебрякова. Видя, что Генриху скучно «разбирать» обязательные литературные произведения и понимая, что ребенок своеобразен, она стала «играть» на его любимой струне - фантастике. Нарушая школьную программу, она задавала ему персональные сочинения на такие темы, как например, «Образ капитана Немо», «Сравнение героев Жюль Верна и Г.Уэллса» и т.п. Писателем он стал (и каким!) во многом благодаря Тамаре Андреевне.

А потом был химический кружок Дворца пионеров, где они с приятелем соорудили первую в мире лодку с ракетным двигателем. И, хотя двигатель развалился во время испытания, идея опередила свое время лет на 20. (Об этом жизненном эпизоде он потом написал рассказ под названием «Угол атаки»).

Школу Генрих заканчивал уже во время войны. Сначала очно поступил в Азербайджанский индустриальный институт, но, чтобы попасть на фронт, перевелся на заочное отделение. В армию был призван 8 февраля 1944 года, но на фронт не попал, поскольку еще в школе получил авторское свидетельство на изобретение (аппарат для подводного плавания), то его направили в Отдел изобретательства ПВО, затем в Отдел изобретательства Каспийской военной флотилии. Начальником отдела был интересный человек, обожавший изобретателей, Сергей Евграфьевич Смугилев. Генрих всегда рассказывал о нем с большой теплотой. Он учил Генриха во всяком изобретателе видеть «Жюльверна». (Образ С.Е.Смугилева выведен в прекрасном рассказе Альтшуллера «10% приключений»).

С 47 года его служба проходила в Баку, где они с приятелем Рафаилом Шапиро к этому времени уже занимались методикой изобретательства. Из письма ко мне от 7.05.67 года: «Года через два, вникнув в состояние изобретательства, мы написали длинейшее письмо Сталину. Очень доказательное письмо: около 30 страниц с цифрами и фактами... Не веря в мудрость гения всех времен и народов, я напечатал штук 20 копий и послал в

газеты, министерства и прочие инстанции. А когда гений не ответил, начал настойчиво напоминать». Гений, как известно, шутить не любил. В результате двух лет практически открытой слежки друзей просто посадили, дав каждому по 25 лет (ст. УК РСФСР NN 19-58-16, 58-10 ч. I и 58-11).

Практическое использование будущей Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) началось еще во время следствия. Поскольку Генрих ни на какие компромиссы со своими следователями не шел, то из Тбилиси, где его задержали, как очень опасного преступника, отправили в Москву. Там в Лефортово следователь Малышев поставил его на «конвейер». «Конвейер» – это пытка отсутствием сна. Допросы ведутся ночью. Собственно, это даже не допросы. Следователь всю ночь занимается какими-то своими делами (Малышев, например, конспектировал «Краткий курс истории ВКП(б)», а заключенный сидит перед ним на табурете, изредка отвечая, как пишется то или иное слово, когда был такой-то съезд партии и т.п. В 5.30 возвращают в камеру, приказывают раздеться, лечь. В 6 часов подъем. До 22 часов лежать нельзя, можно только ходить или сидеть. В 22.00 - отбой, в 22.30 – на допрос. И так всю неделю. Обычно уже на третий-четвертый день подследственный не выдерживает и теряет над собой контроль, а в таком состоянии человек не очень-то соображает и может подписать все, что угодно. Генрих же не собирался сдаваться, поэтому, перед ним стала изобретательская задача: надо было разрешить противоречие – для тюремщиков он должен быть бодрствующим, то есть НЕ СПАТЬ, а для себя – СПАТЬ. Это противоречие было блестяще разрешено: вместе с сокамерником они на обрывках бумаги от папирос «Север» нарисовали обожженной спичкой глаза, Генрих удобно садился лицом к двери, опираясь спиной на стену, закрывал глаза и мгновенно засыпал, а его сокамерник с помощью слюны наклеивал «глаза» на закрытые веки Генриха, а потом ходил, разговаривая сам с собой и иногда меняя позы Генриха. Это изобретение (не запатентованное и не зарегистрированное) позволило доказать, что диктату силы, фашизму может противостоять только мощь интеллекта.

После приговора (вернее, никакого приговора не было, было решение Особого совещания) Генриха отправили в Воркуту (Рафаила - в Караганду).

Из того же письма: «В лагере я первые полгода мыкался по карцерам: опять же отвратительный характер - отказался от всякой работы. Потом махнули рукой: народу много, не было смысла возиться с одной человеко-единицей. И года два я читал книги. Конечно, надо было ловко читать. Со школы я привык считать – сколько часов отработано (на науку и изобретения) за день. Так вот, когда меня выпустили, я подсчитал, что в среднем все эти годы занимался по 7 часов в день».

Спустя два года он все-таки пошел работать на шахту: методику надо было проверять на практике... А в 1954 году их после переследования освободили. Дома его ждало страшное известие. Мать, регулярно писавшая прошения о помиловании и уже даже после смерти Сталина, получившая очередной отказ, не выдержала и покончила собой. Случилось это за 4 месяца до его освобождения...

А ему надо было жить и работать над осуществлением своей Дстойной Цели - сделать творчество, в том числе изобретательское творчество доступным для любого человека.

Уже было достаточно наработано, чтобы можно было переходить к официальному опробованию методики, делать ее доступной для всех. В то время вопросами защиты прав изобретателей и рационализаторов, а также массовым изобретательством в СССР занималась общественная организация ВОИР – Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов. Руководил этим обществом Центральный Совет ВОИР, возглавляемый, впрочем как и все другие такого рода организации, партийными чиновниками. Вот туда-то, то есть в ЦС ВОИР и обратился Генрих с предложением заслушать его сообщение о новой методике творчества, которая позволит резко увеличить ряды новаторов. Причем с первых своих писем он не просил никакой

финансовой помощи, наоборот, он предлагал приехать за свой счет и выступить перед любой заинтересованной аудиторией тоже бесплатно. Жил же он все это время на те деньги, что зарабатывал, публикуя научную фантастику. (Его литературная деятельность как писателя-фантаста заслуживает отдельной статьи. Под псевдонимом – Генрих Альтов он вошел в число лучших писателей-фантастов мира 60-х годов). В письмах бюрократам от изобретательства он требовал одного – объективной оценки методики. Но не тут-то было...

Скопилось 3 объемистых папки переписки с ЦС ВОИР под общим названием «Ехали мы ехали...», переписки, которая заняла 10(!) лет. За это время он за свой счет провел массу семинаров на разных предприятиях страны, выпустил 2 книги по теории изобретательства (1961 г. – «Как научиться изобретать» и 1964г. – «Основы изобретательства») и только в 1968 году ЦС ВОИР наконец-то пригласил его для участия в общесоюзном семинаре по техническому творчеству.

После первых публикаций завязалась оживленная переписка со многими заинтересованными людьми (в том числе и со мной), которые стали опробовать методику, не дожидаясь одобрения высоких бюрократических инстанций. Все, с кем Генрих Саулович переписывался эти годы как дражайшую реликвию хранят его письма. Ибо каждое его письмо – это не просто развернутый подробнейший ответ на ваш вопрос, но и прекрасное литературное произведение, написанное живым языком со свойственным ему тонким юмором.

К 1980 году по всей стране накопилось достаточное количество материала, который требовал уже коллективного обсуждения. И вот здесь повезло Петрозаводску. Именно у нас во Дворце культуры «Машиностроитель» стали проходить всесоюзные семинары по Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), руководителем и душой которых был Генрих Саулович. На эти семинары съезжались тризовцы со всего Советского Союза, а иногда и из-за границы. Увозили люди с этих семинаров не только массу впечатлений, но и книги по ТРИЗ издательства "Карелия". Ведь именно наше издательство первым в стране начало систематический выпуск книг по ТРИЗ (1977 год – А.Б.Селюцкий, Г.И.Слугин «Вдохновение по заказу», 1980 год – Г.С.Альтшуллер, А.Б.Селюцкий «Крылья для Икара», 87, 88, 89 и 91 годы – серия сборников «Техника-молодежь-творчество»: «Дерзкие формулы творчества», «Нить в лабиринте», «Правила игры без правил», «Как стать еретиком», «Шанс на приключение»). До сих пор эти книги остаются основными учебными пособиями по ТРИЗ. И именно в Петрозаводске появился первый опыт обучения детей курсу развития творческого воображения, начиная с детского сада.

Отдельной статьи заслуживает рассказ о той борьбе, которую Генрих Саулович вел с отечественной бюрократией за всех нас, за наше право на равенство в творчестве. Итог этой борьбы сегодня ясен: во многих городах России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, республик Прибалтики, Израиля ТРИЗ преподают в школах (в Ангарске Иркутской области работает первая в стране целиком тризовская школа), в США работают (и довольно эффективно) 3 тризовские фирмы и создан институт Альтшуллера, ТРИЗ преподают во Франции, в Австралии, в Финляндии, Испании, во Вьетнаме и Южной Корее... Надо сказать, что Петрозаводску в отношении ТРИЗ повезло больше других городов. Когда в 90 году в Баку произошли кровавые события, мы, с помощью Петрозаводского молодежного жилищного комплекса (МЖК), которым в то время руководил Д.Ральман, а позднее Н.Житков сумели организовать переезд семьи Генриха Сауловича в наш город (понятно, что мы не смогли бы этого сделать без поддержки тогдашних руководителей горисполкома С.Л.Катанандова и Е.Н.Акатьева). С тех пор Петрозаводск стал, что называется, Меккой для тризовцев всего мира.

Генрих Саулович умер 24 сентября 1998 года. Но с нами осталась его семья – жена Валентина Николаевна Журавлева, его верный друг и помощник, сама замечательный писатель-фантаст (вместе с Генрихом она в 60 годы вошла в число лучших фантастов

мира), его невестка Лариса Дмитриевна Комарчева и его внука Юна. Все, тризовцы, которые приезжают в Петрозаводск из других городов ближнего и дальнего зарубежья считают своим долгом посетить эту семью и обязательно побывать на могиле Генриха Сауловича. Я думаю, что мы доживем до того момента, когда в Петрозаводске появится памятник этому Великому Человеку.

Дядя Заля

Сорок пять с половиной лет назад на железнодорожный вокзал Петрозаводска вышел из поезда кругленький человек небольшого роста... Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что в городе появился один из самых знаменитых в скором будущем его жителей, тот, чье имя будет известно и прославит наш театр далеко за пределами Петрозаводска, – заслуженный артист России, народный артист Карелии Залман Наумович Эстрин, а для близких – просто дядя Заля.

Эстрин впервые вышел на петрозаводскую сцену в день открытия Музыкального театра – 5 ноября 1955 года, в роли моряка Фомы в «Вольном ветре» Исаака Дунаевского, и с тех пор в течение более четверти века редкий спектакль обходился без его участия. Многие годы имя Эстрина было синонимом карельского музыкального театра.

В нынешнем году Залману Наумовичу исполнилось бы 95 лет. Хотя для рассказа о таком человеке не нужен особый повод...

В 1906 году в многодетной семье музыканта Нахима Эстрина, бывшего николаевского солдата (поэтому он с семьей и мог поселиться в Москве), родился Залик. Работать ему пришлось уже с юных лет, и он курьером разносил директивы какой-то конторы.

Что же потянуло в театр еще совсем маленького мальчика? По воспоминаниям жены Эстрина Берты Григорьевны, записанным В.А.Савельевым, можно восстановить события тех далеких лет. Рядом с домом, где жили Эстрины, находился театр Эрмитаж, и маленький Залик до того примелькался артистам, что именно его попросили однажды выручить спектакль – вынести на сцену поднос с конвертом, сказать героине: «Вам письмо» – и, передав его, удалиться за кулисы. Актриса так умилилась непосредственности юного дебютанта, что, прочитав письмо, схватила Залика в объятия и закружила по сцене. «Поставьте меня на землю! Я ведь мужчина!» – возмутился новоявленный артист, поклонился и ушел за кулисы, сорвав первые в жизни аплодисменты.

Повзрослев, Залман пошел учиться. На сварщика. Это были 20-е годы, в стране шло строительство новой жизни, и на одну изстроек однажды был командирован Эстрин. Так он впервые побывал в Карелии – сварщиком на Кондострой.

Одновременно с работой Эстрин занимался в студии при Театре имени Вахтангова и по окончании ее в 1930 году уехал в Свердловск. В театрах этого города – ТЮЗе и Театре оперы и балета – началась его творческая биография, причем первые заметные роли были сыграны не в оперетте, а в балете.

Через три года Эстрин вернулся в Москву, в alma mater – Театр имени Вахтангова. Не оттуда ли его мастерство импровизации, стремление к яркости выразительных средств, четкому ритмическому рисунку роли, к сочетанию жизненной достоверности и гротесковой остроты? Начало 30-х годов – еще не удушено разнообразие театральной жизни, еще ставят Станиславский, Мейерхольд, Таиров, в 35-м Михоэлс сыграет короля Лира. Публика ломится на вахтанговскую «Принцессу Турандот», а в 1932 году на этой же сцене Николай Акимов взрывает театральную Москву скандальной постановкой развеселого, издевательского «Гамлета» (кстати, нет ли там в массовке юного Залмана? – предположение вполне реальное). Да просто невозможно было, находясь в этой среде, не впитать ее жадному до познаний молодому актеру.

Новый поворот судьбы – театр одного актера, созданный Владимиром Яхонтовым. Однако и ему нужны были партнеры – тогда и появлялся на сцене Залман Эстрин. И эта работа не проходит даром: когда внимание зрителей весь спектакль держит один человек, значимым становится малейший штрих, нюанс, деталь.

Проба сил в другом искусстве – участие в съемках фильма Веры Строевой «Поколение победителей» (в нем снимались Вера Марецкая, Борис Щукин, Владимир Канделаки) о событиях 1905 года. Эстрин играл эпизодическую роль молодого ученого-еврея.

Вскоре Залман Эстрин меняет драматический театр на музыкальный – Московский ансамбль джаз-оперетты под руководством И.С.Полонского. Оперетта – думал ли тогда артист, что нашел дело своей жизни?

1941 год. Народное ополчение, бои под Смоленском, Нарофоминском, под Москвой. После госпиталя Эстрина списали из армии, и до конца войны он с агитбригадой ездил по фронтам.

Закончилась война, а жизнь на колесах продолжалась. Московский областной театр оперетты, ансамбли оперетты разных областных филармоний – немногочисленные, с минимальным составом артистов – гастролировали по стране, показывая традиционно любимый опереточный репертуар. В этих незамысловатых постановках накапливались опыт, умение, мастерство. Быстро определилось амплуа – Эстрину доставались роли комических стариков (амплуа ведь мало зависит от возраста актера). В них можно было найти применение арсеналу выразительных средств, которыми он овладел в драматическом театре. Актер становился заметен, известен, любим зрителями.

Впрочем, не только зрителями. Однажды он встретил девушку по имени Берта. Они поселились в его московской квартире, где жила и вся остальная семья, так что «комнату» молодоженам отвели в нише коридора. И уже ждали ребенка, но тут...

Тут произошел, может быть, самый важный поворот в жизни. Залман Эстрин получил приглашение в настоящий, еще только открывающийся театр Петрозаводска. Его директор Сергей Петрович Звездин пригласил актера по рекомендации главного режиссера Музыкального театра Льва Михайловича Вильковича.

Эстрин был самым старшим в труппе – но разве это важно в оперетте, искусстве молодых и умеющих быть молодыми? Признание пришло очень скоро. Он был незаменим в своих ролях. Как правило, если в театре есть настоящий комик, то в своем амплуа он работает один. Единственным был и Эстрин.

Те, кто с ним работал и кто видел его на сцене, могут рассказывать о нем бесконечно. «Эстрин – всегда актер напряженного действия, четкого ритма, острого характера»; «Вспоминая всю галерею созданных им комических образов, буквально поражаешься умению актера находить столько нового в самом маленьком и незаметном – взгляде, походке, паузе, интонации. И при всем этом – драгоценное чувство такта, умение «не пересмешить», не удариться ради смеха в ненужную крайность», – писали газеты страны. «Самая величайшая ерунда была в его исполнении самой величайшей правдой», – вспоминал работавший в Петрозаводске в 1960-е годы артист Евгений Флек.

На сцене он всегда оставался собой, его нельзя было не узнать, хотя по сути все его герои были разными. Граф Кутайсов из «Холопки» был смешон и страшен, Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке» – смешон и жалок, для Птичкина («Весна поет») или Кавалькадоса («Поцелуй Чаниты») артист находил уже другие, предельно сатирические, гротесковые краски. Одна из его лучших буффонных ролей – Негош в «Веселой вдове». Были в палитре артиста и лирические тона – они появлялись в спектаклях «Фиалка Монмартра», «Севастопольский вальс», им самим поставленном водевиле «Дочь актера». До сих пор вспоминают очевидцы работу актера в мюзикле «Моя прекрасная леди». Эстрин играл лондонского мусорщика Дулиттла прежде всего философом, для которого образ забудыги-пьяницы – только дань необходимости, иначе невозможно существовать в его кругу. Дулиттл жил в соответствии со своей моралью, и в излагающем ее монологе актер поднимался до подлинно драматических высот.

1960-е годы – время расцвета сил и таланта Эстрина. Пример тому – его работа в спектакле «Цирк зажигает огни». В шаблонной, казалось бы, роли Вольдемара Лососиноостровского (одно «говорящее» имя многого стоит) проявились черты не только

бывшего графа и неудачливого афериста, но и эмигранта, в глубине души тоскующего по России. Свою последнюю сцену – расставание с советскими артистами – Эстрин завершал песней Вертинского «В степи молдаванской». Была ли эта деталь найдена самим актером или подсказана режиссером спектакля В.Е.Валиным, в свое время оказавшимся в Харбине, сейчас уже не установить, но осталось то особое впечатление, которое сцена производила на зрителей. У говоривших и писавших о нем в то время появляется слово «трагический», «трагикомический»: талант актера поворачивался новой гранью.

Спектакль «На рассвете» поставил драматический режиссер Наум Лившиц, начинавший в Театре комедии у Н.П.Акимова. На сцене не было привычных развлекательных схем: там действовали живые люди. Этого требовало само произведение, в котором воссоздавался эпизод гражданской войны – французская интервенция 1919 года в Одессе. Трогательно беззащитным, душевно чистым играл еврейского портного Ременника З.Н.Эстрин. В этой роли ему вместе с режиссером и партнерами пришлось решать сложнейшую для опереточной сцены задачу – играть сцену гибели своего героя. В те годы театр каждое лето ездил на гастроли, и стоило ему появиться где-либо во второй раз, первым вопросом публики было: «А Эстрин приехал?» Да, именно в нашем театре он нашел себя, свое место в искусстве, в полной мере состоялся как актер. И нет преувеличения в утверждении того, что имя Эстрина стоит в ряду лучших представителей жанра оперетты. Кстати, ему – единственному из нашего Музыкального театра – посвящена отдельная статья в пятитомной Театральной энциклопедии.

Каким же человеком был Залман Наумович Эстрин? Бескомпромиссным и даже колючим, если речь шла о сцене. Поддерживал молодых артистов, помогал им в работе, а они звали его дядей Залей и бегали на его спектакли. В легенду вошла его страсть к книгам (о нем писали даже в «Книжном обозрении»). Его сын Юрий рассказывает: «Если мне нужно было с отцом поговорить, я его отрывал либо от роли, либо от книги. Другого состояния у него практически не было». Для внучки Лили записывал на магнитофон стихи. (Второй внук появился уже после смерти деда; его назвали Залманом. Сейчас оба живут в Израиле.)

В доме хранятся сделанные им из коряг фигурки – он и по лесу ходил, не грибы высматривая, а причудливые ветви и корни, с топориком за поясом. Друг Эстрина Герш Майрович Пукач вспоминает о веселых пикниках, о шашлыках на природе и гурманстве актера, о ночах, проведенных за преферансом...

Эстрин работал в театре до конца жизни. Пораженный инсультом, последние дни он находился без сознания. И откуда-то из самых глубин его существа вдруг раздалось слова: «Передайте в театр, что я сегодня не смогу играть спектакль». 7 августа 1982 года дяди Зали не стало.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Давид Генделев</i> Скромный труженик печатного дела	3
<i>Дмитрий Цвибель</i> Жизнь и судьба Семена Бекенштейна	6
<i>Алла Аблова</i> Юзеф Кон: путь музыканта	11
<i>Лора Береговская</i> Мой отец Наум Цаль	14
<i>Ольга Бочкарева</i> Рувим Пергамент и музыкальная культура Карелии	16
<i>Наталья Мешкова</i> Учитель Божией милостью	18
<i>Юлия Генделева</i> Дороги Герша Пукача	22
<i>Генрих Берлинер</i> Иридий Михайлович Менделеев	24
<i>Адольф Островский</i> Профессор Фролькис	27
<i>Алла Аблова</i> Абрам Голланд	29
<i>Кир Рожков</i> Она звалась Татьяна	33
<i>Александр Селюцкий</i> Человек, излучающий свет	36
<i>Юлия Генделева</i> Дядя Заля	40

Редактор:
Юлия Генделева